

БИБЛИОТЕКА

ОГОНЁК

№ 8—9

1949

Д. МЕДВЕДЕВ

**ЭТО БЫЛО
ПОД РОВНО**

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА»
МОСКВА

Д. МЕДВЕДЕВ,
Герой Советского Союза

ЭТО БЫЛО ПОД РОВНО

Литературная запись М. Белаховой

Издательство «ПРАВДА»
Москва — 1949

Летом 1942 года в Ровенскую область, занятую тогда немецкими оккупантами, был заброшен партизанский отряд под командованием Д. Н. Медведева. Отряд из восьмидесяти добровольцев сформировался в Москве и в тыл врага перебрасывался отдельными группами, на самолетах. В намеченном месте, на границе Ровенской области, группы соединились, и отряд направился пешком в Сарненские леса.

Там и разбили лагерь. Местное население стало верным и надежным помощником партизан. В одиночку и группами жители шли в отряд, чтобы бороться с гитлеровцами.

Основная задача отряда — это разведка в тылу врага. В короткий срок были организованы разведывательные группы в ближайших городах и на крупных железнодорожных станциях. Радиосвязь отряда с Москвой была постоянной. Часто из Москвы прилетали самолеты с боеприпасами и продуктами.

Обо всем этом рассказано в первой части книги «Это было под Ровно». Ниже печатается в сокращенном виде вторая часть.

«Пауль Зиберт»

По шоссе Ровно — Кастополь едут три фурманки. И хоть в запряжке хорошие, сытые лошади, фурманки движутся не спеша.

На первой — немецкий офицер. Он сидит вытянувшись, важно, равнодушно и презрительно поглядывая вокруг. С ним рядом — человек в защитной военной форме, с белой повязкой на рукаве и трезубцем на пилотке. Так одеваются предатели, состоящие на службе у немцев.

На двух других фурманках полно полицейских. Одеты они пестро. На одном — военные брюки и простой деревенский пиджак, на другом — китель, на голове картуз, на третьем — красноармейская гимнастерка, с которой сняты погоны. Ясно,

что вся их одежда содрана с других. Но и у них на рукавах белые повязки с немецкой надписью «шцуполицай».

Если на первой фурманке немецкий офицер и полицейский, видимо, старший, сидят чинно, то на двух других хлопцы, развалившись, горланят песни и дымят самосадом.

Картина по тем временам обычная: бандиты с офицером-немцем во главе едут в какое-нибудь село громить жителей за непокорность.

Шоссе прямое и открытое. По сторонам — поля и луга, поодаль — леса. Движение на дороге довольно оживленное. Время от времени грузовая или легковая немецкая машина, идущая на большой скорости, пронесится мимо фурманок. Поэтому они плетутся, прижимаясь к самому кювету.

Когда какая-нибудь машина обгоняет фурманки или идет им навстречу, офицер еще больше подтягивается, злобно крикивает на горланящую братию и приветствует встречных немцев, выбрасывая правую руку вперед чуть выше головы с возгласом «Хайль Гитлер!». Ясно, что офицеру-немцу противно тащиться на фурманке со сбродом «низшей расы», когда другие его коллеги проносятся мимо в комфортабельных машинах.

Фурманки уже три часа двигаются по шоссе, пугая жителей придорожных хуторов. При их появлении все скрывается в хаты и испуганно выглядывают из окон.

Но вот впереди на шоссе показалась большая легковая машина. Дорога здесь идет среди поля. Офицер на фурманке привстал, поглядел внимательно вокруг. Кроме этой машины, ни позади, ни впереди никого не видно. Тогда, повернувшись к задним фурманкам, он поднял руку. Песни и гам мгновенно смолкли. Все насторожились.

Машина все ближе. Сидевший рядом с офицером полицай соскочил с фурманки и быстро пошел вперед. Как только легковая машина поравнялась с ним, он спокойно, как на учении, бросил в нее противотанковую гранату. Разрыв гранаты пришелся позади машины. Воздушная взрывная волна с силой толкнула машину, и блестящий «оппель-адмирал» мгновенно опрокинулся в придорожный кювет.

С фурманок все соскочили и с оружием наизготовку кинулись к опрокинутой машине, около которой уже стоял немецкий офицер.

— Молодец, Приходько! — сказал он на чистом русском языке человеку, который бросил гранату. — Хорошо рассчитал.

И машину перевернул, и пассажиры, кажется, живы. Давай-ка вытаскивать!

Когда из машины вытащили двух испуганных и немного помятых немцев, этот же офицер заговорил с ними по-немецки:

— Господа, прошу не беспокоиться. Я лейтенант немецкой армии Пауль Зиберт. С кем имею честь разговаривать?

Рыжеватый, полный пожилой немец, приводя себя в порядок, ответил:

— Я майор немецкой армии граф Гаан, начальник отдела рейхскомиссариата для Украины. А со мною, — он указал на другого, — имперский советник связи Райс, приехавший из Берлина.

— Очень, очень приятно! — сказал офицер. — Ваша машина пострадала, прошу пересесть на повозку.

— Объясните, в чем дело? — возмутился граф. — Я ничего не понимаю.

Гаан собирался еще что-то выяснить, но офицер кивнул своим людям. Те схватили немцев, связали им руки и уложили на фурманки.

На первом же повороте фурманки свернули в сторону от шоссе и через короткое время очутились на нашем партизанском «маяке» (секретная партизанская база). Здесь немецкий офицер переоделся в комбинезон и стал тем, кем был на самом деле, — партизаном Николаем Ивановичем Кузнецовым.

Николай Иванович был родом с Урала. Недюжинный ум и волю выражало его серьезное, строгое лицо и в особенности серые, стальные глаза. Высокого роста, стройный, смелый и сильный, он вскоре стал у нас в отряде самым замечательным партизаном-разведчиком.

Дело в том, что Кузнецов свободно владел немецким языком. Он научился говорить по-немецки еще мальчишкой. По соседству с деревней, где он рос, жили немецкие колонисты. Общаясь с ними, Кузнецов не только изучил язык, но и узнал быт и характерные черты немцев. Позже, в школе и в институте, он продолжал заниматься немецким языком. По своей гражданской профессии Николай Иванович был инженером.

Кузнецов, как выяснилось в отряде, был вообще прирожденным лингвистом. Он, например, раньше совершенно не знал украинского языка. Но как только мы пришли на украинскую землю и Кузнецов стал бывать в хуторах, он быстро начал

разговаривать по-украински, пел украинские песни, и крестьяне считали его настоящим украинцем.

Когда мы появились в местах, где живут поляки, Николай Иванович заговорил по-польски. Но этого мало: Кузнецов мог разговаривать по-русски, по-украински или по-польски так, как будто он плохо владеет этими языками, изображать немца, говорящего по-русски, или русского, говорящего по-польски. Словом, в этом отношении Николай Иванович был непревзойденным актером.

Еще в Москве Кузнецов сказал нам, что хотел бы проникнуть в среду немцев и добывать нужные сведения. Мы на это согласились, но поставили перед ним условие: хорошо изучить порядки в немецкой армии, изучить какую-нибудь немецкую область, чтобы выдавать себя за уроженца этой области.

Кузнецов решил сделаться истым пруссаком. Он перечитал массу книг о Восточной Пруссии, о ее экономике, природе, жителях. Город Кенигсберг он уже так живо представлял себе, как будто на самом деле там родился и жил.

Мы стали давать ему пленных, но не только для допроса, а для того, чтобы, разговаривая с ними, он узнавал порядки в немецкой армии.

Пленные, которые к нам попадались, не удовлетворяли Кузнецова:

— Это олухи какие-то, заводные манекены! Шаркать ногами только умеют. Какой там с ними разговор, когда они, кроме «хайль Гитлер», ни черта не понимают!

— Откуда же вам профессора достать? — улыбаясь, отвечал я Николаю Ивановичу.

— Да я сам себе достану настоящих «языков». Вы только разрешите.

— Пожалуйста!

И Николай Иванович придумал ту операцию, о которой я рассказал. Эта операция была особенной. Как указывается в военных учебниках, обыкновенная засада проводится так: притаившись в определенных местах, бойцы ждут появления противника и нападают на него. Ну, а если вам дано открытое шоссе и кругом одни лишь поля, — где здесь устроить засаду? Вот почему Николай Иванович решил провести, как он сам назвал, «подвижную засаду» на фурманках.

Чтобы не вызвать ничьих подозрений, он оделся в мундир немецкого офицера, а остальных партизан нарядил полицейскими.

Кузнецов недаром облюбывал красивый «оппель-адмирал». Добыча в этой машине действительно оказалась интересной, «языки» — на самом деле «длинными».

В лагере Кузнецов явился к пленным в форме немецкого лейтенанта. Соблюдая положенный в немецкой армии этикет, он расшаркался перед ними.

— Садитесь, — хмуро предложил галантному лейтенанту майор Гаан, указывая на бревно; иного сиденья в палатке не было.

— Как вы себя чувствуете? — любезно осведомился Николай Иванович.

Но те были настроены не столь благодушно:

— Скажите, где мы находимся и что все это означает?

— Вы в лагере русских партизан.

— Почему же вы, офицер немецкой армии, оказались в лагере наших врагов?

— Я пришел к выводу, что Гитлер ведет Германию к гибели, все равно войну проиграет, и добровольно перешел к русским. Вам я тоже советую быть откровенными.

Немцы упирались недолго, и у Кузнецова начались с ними частые и длительные беседы. «Собеседники» были квалифицированные, и с ними Николай Иванович мог вполне проверить свои познания в немецком языке. Весьма кстати граф Гаан оказался «земляком» Кузнецова — из Кенигсберга.

При обыске у имперского советника связи Райса была найдена карта грунтовых, шоссежных и железных дорог всей оккупированной Украины. Карта была снабжена подробными описаниями. Кузнецов, изучая карту и описания, натолкнулся на очень важный секрет немцев. В описании указывалось, где проложена трасса международного бронированного кабеля, связывающего Берлин со ставкой Гитлера на востоке, находившейся недалеко от Винницы.

Кузнецов решил выяснить все поподробнее.

Он спросил Гаана:

— Когда проложен подземный кабель?

— Месяц назад.

— Кто его строил?

— Русские. Военнопленные.

— Как же это вы доверили русским тайну местонахождения ставки Гитлера?

— Их обезопасили.

— Что вы имеете в виду? Их уничтожили?

Гаан и Райс молчали.

— Сколько работало военнопленных?

— Двенадцать тысяч.

— И все двенадцать тысяч...

— Но это же гестапо, — пытался оправдаться Гаан.

Кузнецов выяснил у пленных все, что было нужно. Попутно он проверил себя: у них не возникло даже сомнения в том, что он не немец.

Можно было уже направить Кузнецова для разведывательной работы прямо в Ровно. Но одно обстоятельство меня беспокоило: иногда во сне Николай Иванович разговаривал по-русски. Этим он мог себя выдать.

Пришлось сказать Кузнецову об этом и посоветовать ему поменьше говорить по-русски.

Кузнецов стремился как можно скорее начать, как он говорил, настоящее дело. Он питал смертельную ненависть к немцам, хотя говорил об этом мало, так как по природе был сдержанным и даже несколько замкнутым человеком.

Лучше настоящих

В самом центре Западной Украины, утопая в зелени, широко раскинулся город Ровно. Ничем этот город не примечателен: дома в нем маленькие, одноэтажные, и лишь на центральной улице стоят двух- и редко трехэтажные. Тем не менее именно этот город немцы сделали центром оккупированной части Украины.

И хотя в руках немцев в ту пору был Киев, центром оставался Ровно. Немцы, вероятно, рассуждали так: подальше от фронта спокойнее.

В Ровно находился рейхскомиссариат для Украины, во главе которого был наместник Гитлера на Украине гауляйтер Восточной Пруссии Эрих Кох. Там же расквартировались гестапо, штаб фельджандармерии и штаб генерала фон Ильгена, командующего особыми (карательными) войсками на Украине. Город кишел немецкими офицерами, чиновниками и их родственниками, которые приехали сюда за легкой наживой.

В Ровно можно было добыть очень полезные сведения для командования Советской Армии — о перебросках и перегруппировках немецких войск на фронте, о строительстве новых

линий обороны, о мероприятиях хозяйственного характера и о том, что творится в самой Германии.

Мы решили к этому городу подобраться всерьез, не спеша, осторожно, продумывая каждый свой шаг.

В первую очередь было решено направить в Ровно тех, кто знал этот город, имел там родственников и знакомых.

Выбор пал прежде других на Колю Приходько. Приходько родился в Здолбунове Ровенской области. Перед войной работал в Ровно заведующим складом на железнодорожной станции. Эвакуировался он из города в последнюю очередь, погрузив на грузовую машину все ценности со склада, когда на улицах уже шла стрельба и гремели взрывы.

Коле Приходько шел двадцать второй год. Он был огромного роста, как говорят, косая сажень в плечах, складного сложения, с хорошим лицом и добрыми карими глазами. Такими мне представлялись всегда былинные богатыри. Приходько и в самом деле обладал богатырской силой и выносливостью. Ничто не страшило его, он рвался туда, где опаснее.

Когда наш отряд был еще на марше в Сарненские леса, с Колей Приходько произошел такой случай. Определив группу разведчиков, он зашел в одно село. Посреди улицы стояла большая толпа, крестьянки плакали, причитали. Приходько подошел к женщинам и спросил:

— Что тут происходит?

— Да вот забирают наших хлопцев и дивчат до ниметчины.

В кругу стояли молодые девушки и парни с котомками за плечами. Их охраняло шестеро полицейских.

Растолкав собравшихся, Приходько подошел к полицейским:

— Вы кто такие?

— Полицаи, — ответил один, не подозревая, конечно, с кем разговаривает: на Приходько была полуштатская одежда.

— А зачем молодежь забираете? — крикнул он.

— Приказано — и забираем. Да ты кто такой? — озлившись, сказал старший.

— Сейчас представлюсь!

С этими словами Приходько схватил за шиворот сразу двух полицейских и изо всей силы стукнул их лбами. Как мячики, отлетели они друг от друга и растянулись на земле.

— Бросай оружие! — скомандовал Приходько остальным, направив на них автомат.

Когда, соблюдая осторожность, наши разведчики вошли в село, им представилась такая картина: Коля Приходько ведет

задушевные разговоры с крестьянами, у его ног лежат шесть винтовок, а чуть поодаль на земле сидят обезоруженные и связанные полицейские.

Если разведчикам приходилось ходить втрое больше остальных, то Приходько ходил больше любого разведчика. Получалось так потому, что он всегда оказывался под руками, когда нужно было выполнить какое-нибудь срочное задание.

Один раз—это тоже было на марше—к нам издалека донеслись выстрелы. Я послал Приходько узнать, в чем дело.

Только он ушел, явился Цесарский.

— Дмитрий Николаевич! Приходько нельзя посылать: у него так натерты ноги, что он не может сапоги надеть.

— Да что вы говорите! Он подошел ко мне в сапогах, и я ничего не заметил.

Когда Приходько вернулся, я спросил его:

— Что у тебя с ногами?

— Да ничего, пустячная мозоль!

Но он меня обманул. Оказывается, он с трудом надел сапоги, чтобы явиться ко мне по вызову, а в разведку пошел босиком.

Итак, решено было первым послать в Ровно Николая Приходько. На вопрос, готов ли он отправиться туда, ответ был категорический:

— Конечно, о чем тут разговаривать! На меня вы можете положиться.

В этом мы не сомневались.

Но как одеть Приходько? Его одежда, которую он носил и в которой спал у костров, страшно обтрепалась. Для Ровно надо было одеть его по-городскому, чтоб он не привлекал внимания.

Из трофейных вещей у нас ничего не было. Мы стали смотреть, на ком из партизан сохранилась подходящая для Коли одежда. Нашли четырех бойцов.

И вот представьте такую картину. Четыре человека сидят у костра в одном белье и не понимают, зачем у них попросили одежду. Отpravку Приходько в Ровно мы держали в строгом секрете.

А в палатке идет примерка костюмов на Колю. Ни один ему не годится.

— Не люди, а лилипуты какие-то! — ворчит он.

Из рукавов пиджака, начиная от локтя, торчат его ручищи с огромными кулаками. Брюки, как с младшего братишки, по колону. И пока он примеряет, костюмы трещат по швам.

— Настоящий дядя Степа из детской книжки! — смеется Стехов, мой заместитель по политической части.

К костру выносят костюмы их владельцам и с благодарностью возвращают.

С большим трудом мы кое-как одели Колю. Найденный штатский пиджак и брюки были все таки маловаты. Но ботинок на его ногу (сорок четвертый размер!) мы так и не могли найти. Пришлось отправить его в сапогах, брюки навывпуск.

Приходько пошел в Ровно с документом, удостоверяющим, что «податель сего Гриценко является жителем села Ленчин».

Лагерь наш был в ста двадцати километрах от Ровно. Туда и обратно — двести сорок километров. Приходько отправился пешком, и мы рассчитали, что он должен вернуться обратно в лагерь через шесть—семь дней.

Приходько не задержался, вернулся во-время.

С каким облегчением я вздохнул, когда увидел его! Первая вылазка в Ровно прошла успешно. Это было уже целое событие.

Приходько зашел сначала к своей тетке, которая жила в деревне под Ровно. Та ему оказала, что один из его братьев живет сейчас в Ровно. Коля попросил ее сходить за братом. Это заняло всего несколько часов. И уже вместе с братом Приходько пошел в город.

В Ровно многое удивило Колю. На углах домов появились новые наименования улиц, написанные на немецком языке: «Немецкая улица», «Фридрихштрассе». На зданиях, где раньше были клубы, кинотеатры, столовые, появились надписи: «Только для немцев». Все лучшие дома заняты немецкими учреждениями и квартирами немцев. На улицах слышна немецкая речь.

Приходько навестил семью своего друга. С этими верными людьми Коля договорился о том, что их квартирой будут пользоваться партизаны. Так была устроена наша первая явочная квартира в Ровно.

Успел Коля съездить и на станцию Здолбуново, что в тридцати километрах от Ровно. Там он тоже нашел друзей и договорился о следующей встрече.

Когда Приходько кончил рассказывать, я его спросил:

— Ну, а документ у тебя где-нибудь проверяли?

— Проверяли раза три. Все в порядке.

Это тоже было нашей победой, но в чем она заключалась, я пока Приходько не сказал.

После этого мы послали в Ровно и других товарищей. Задача ставилась простая: подыскивать явочные квартиры и установить, где и какие немецкие учреждения находятся в городе.

Снарядили Поликарпа Вознюка. Вознюк присоединился к нам уже в Сарненских лесах, где он партизанил с небольшой группой колхозников. Следом за Вознюком мы отправили в Ровно Бондарчука, тоже местного жителя, который был в отряде Струтинского. Не дожидаясь возвращения посланных в Ровно, мы направили туда же Колю Струтинского.

Три месяца тому назад к нам присоединился маленький партизанский отряд. В нем было несколько местных жителей и целая семья Струтинских: отец, мать, пять сыновей, дочь и племянница. Старший сын, двадцатидвухлетний Николай, был командиром этого отряда. У нас Коля Струтинский очень скоро стал общим любимцем. Отважный и спокойный, он умел выполнить любое сложное поручение. Поэтому мы смело послали его теперь в Ровно. Струтинский был снабжен документом, выданным будто бы Кастропольской городской управой и удостоверяющим, что он учитель и командирован в Ровно за учебниками. Колю мы одели в хороший штатский костюм.

Начальник разведки отряда Лукин, Стехов и я провожали Колю далеко за лагерь. На опушке леса мы остановились, выбрали одно дерево и условились, что в случае перехода лагеря на новое место в дупле этого дерева будет оставлена записка для Коли. Потом мы попрощались, расцеловались, и он ушел.

Мне невольно вспомнился кадр из фильма «Детство Горького», когда мальчик уходит «в люди». Коля Струтинский шел лугом, кругом была высокая трава, а мы стояли и смотрели, пока он не скрылся из глаз.

Через два дня после ухода Струтинского из Ровно вернулись Вознюк и Бондарчук. Оба они договорились о явочных квартирах. Но Бондарчуку пришлось там туговато: в Ровно он работал до войны и теперь встретил на улицах города многих знакомых, которые интересовались тем, что он делает.

Наконец возвратился и Коля Струтинский. Он обстоятельно рассказал все, что узнал: какие немецкие учреждения в городе, где они помещаются, где работают его знакомые, где живут родственники, у кого можно устроить явочные квартиры.

— Ну, а как твой документ, в порядке? — спросил я.

— Все в порядке. Немцы проверяли. Да что там, он ведь лучше настоящего!

Эти документы мы мастерили сами по немецким образцам.

Своих не узнали

Николай Иванович Кузнецов обстоятельно и подолгу разговаривал со всеми, кто возвращался из Ровно. Он задавал Приходько, Струтинскому, Бондарчуку и Вознюку сотни вопросов.

Но я все еще боялся пускать Кузнецова в Ровно.

— Не стану же я там шум поднимать! Пройдусь по городу, посмотрю и вернусь. А там уж рассудим, как действовать дальше, — уговаривал он меня.

Наконец мы решили его отправить, но не одного, а с Владимиром Степановичем Струтинским, отцом партизанской семьи. Он должен был познакомить Кузнецова со своими родственниками.

Готовили мы Николая Ивановича очень тщательно. Вместе со Стеховым и Лукиным обсуждали каждую мелочь его костюма. Мы подобрали ему по ноге хорошие сапоги. По его фигуре был подправлен трофейный немецкий мундир, на который мы прикальвали и перекальвали немецкие нашивки и ордена. Все это делалось втайне от всего отряда. Ведь и у нас мог быть подсланный немцами агент. Поэтому, как ни тяжело было соблюдать конспирацию в условиях лагеря, мы завели такой порядок: никто из партизан не должен знать того, что его лично не касается. В лагере Кузнецов носил обычную свою одежду, а когда уходил на операцию в немецкой форме, об этом знали только участники операции.

Подготовка длилась трое суток. Неизвестно, когда Николай Иванович и Владимир Степанович спали. Днем они заняты были приготовлениями, а вечерами и даже ночами сосредоточенно беседовали, прохаживаясь в стороне от товарищей или сидя где-нибудь на пенке.

В Ровно Струтинский и Кузнецов поехали на фурманке: Струтинский в качестве возчика, а Кузнецов как тыловой немецкий офицер, ведающий продовольственными вопросами в районе. Так, по крайней мере, были оформлены их документы.

Километрах в восемнадцати от Ровно они остановились на одном хуторе, у родственника Струтинского, по имени Вацлав Жигадо. Узнав, в чем дело, Жигадо сказал:

— Пожалуйста, мой дом в вашем распоряжении. Когда нужно, останавливайтесь. Но делайте все осторожно. А то и себя и меня с семьей погубите.

У Жигадло было десять человек детей. С приходом немцев его семья лишилась большой помощи, которую получала от советской власти по многодетности.

Около самого города Струтинский остановился еще у одного родственника. Здесь Владимир Степанович оставил фурманку, а сам с Кузнецовым пошел в город.

По городу они ходили так: Кузнецов по одной стороне улицы, Владимир Степанович — по другой.

Владимир Степанович потом рассказывал:

— Я иду, ноги у меня трясутся, руки трясутся: вот, думаю, сейчас схватят. Как увижу немца или особенно предателя-полицейского, отворачиваюсь. Мне казалось, что все на меня подозрительно смотрят: ведь, думаю, в Ровно многие меня знают. А Николай-то Иванович, гляжу, идет на другой стороне, как орел, как хозяин. Почитывает себе вывески на учреждениях, останавливается у витрин магазинов — и хоть бы что! Встретится ему немец, он поднимает руку и громко говорит: «Хайль Гитлер!» Часа четыре водил меня по городу. Я уже ему делаю знаки, утираю нос платком, как условлились: дескать, пора, — а он себе ходит и ходит. Отчаянный человек!

Так впервые побывал Николай Иванович в Ровно. Конечно, никому из встречных не могло придти в голову, что этот «немецкий офицер» — на самом деле русский партизан и что через некоторое время за ним будут гоняться немецкие ищейки из гестапо.

Позже шести часов ходить по улицам Ровно было запрещено. Кузнецов и Струтинский заблаговременно вышли из города, уселись в фурманку и направились в лагерь.

Первой вылазкой Кузнецов был очень доволен: его появление в Ровно не вызвало никаких подозрений, — значит, он понастоящему натренировал себя.

Но Николай Иванович сказал, что с костюмом у него не все ладно: на нем был летний мундир, а немецкие офицеры ходили уже в шинелях и осенних плащах. Он был в пилотке, а их носили только фронтовики, большинство офицеров в Ровно были в фуражках.

Когда Кузнецов во второй раз пошел в Ровно, наш портной сшил ему новое обмундирование.

Теперь Николай Иванович стал частенько бывать в Ровно. Ездил он туда обычно с Колей Струтинским или с Колей Приходько. Ночевать останавливался у брата Приходько или на другой явочной квартире.

Николай Иванович стал знакомиться с немцами — в столовой, в магазинах. Мимоходом, а иногда и подолгу он беседовал с ними. В ту пору все разговоры вертелись вокруг Сталинграда. Немцы были обеспокоены сталинградскими событиями. Легендарный город, который столько раз объявлялся немцами уже взятым, героически сражался, и уже тогда среди немцев носились тревожные слухи, что их армии попадают под Сталинградом в окружение.

Одновременно с Кузнецовым в Ровно направлялись и другие наши товарищи, но они, как правило, не знали, кого и когда мы посылаем. Тех, кто ехал в Ровно, мы предупреждали: если увидите своих, не удивляйтесь и не здоровайтесь, проходите мимо.

Однажды мы отправили Николая Ивановича в Ровно с комфортом: достали прекрасную пару племенных лошадей — серых в яблоках — и шикарную бричку. Я приказал Владимиру Степановичу Струтинскому, который ведал хозяйством отряда, дать этих лошадей Кузнецову. Чем богаче он будет обставлен, тем безопаснее: никто его не остановит. Но так как на этот раз Кузнецов должен был на несколько дней задержаться в Ровно, я велел ему, как только въедет в город, где-нибудь оставить лошадей.

Владимир Степанович взмолился:

— Да таких-то лошадей бросать!.. Давайте я вон тех, рыженьких, запрягу.

Просил, уговаривал, чуть не плакал, но ничего не вышло. Кузнецов отправился на этих лошадях. Возницей поехал с ним партизан Гнедюк, которому также приказано было задержаться в Ровно с заданиями по разведке.

Через три дня в лагерь вдруг приезжают на этих рысаках, в той же бричке, наши городские разведчики Мажура и Бушнин; они почти все время проживали в Ровно и в лагерь являлись только по вызову или если возникала срочная необходимость.

Я не на шутку взволновался: Мажура и Бушнин вообще не знали Кузнецова и тем более не знали, что кто-то от нас бывает в Ровно в немецкой форме. Как же они могли встретиться? Кто передал им лошадей и фурманку? Неужели провал? Неужели Николая Ивановича арестовали?

Я бегом пустился к приехавшим, а там Владимир Степанович уже с радостью похлопывает лошадок.

— Что случилось? — взволнованно спрашиваю Мажуру. — Откуда у тебя эти лошади?

— Да целая история, — улыбаясь, говорит он. — У немцев сперли.

— Как так?

Мажура, не торопясь, отошел со мной в сторону и с той же улыбкой, которая меня в тот момент страшно раздражала, начал рассказывать:

— Мы были на своей явочной квартире. Собирались уже в лагерь. Вдруг видим в окно: подъехал на этих лошадях какой-то немецкий офицер. Офицер слез с брички и ушел куда-то. Извозчик снял уздечки, надел на головы лошадей мешки с кормом, посмотрел по сторонам и тоже ушел. Ну, мы с ребятами и решили: что ж нам пешком идти в лагерь! Взяли этих лошадей — и айда! А на том хуторе, около Ровно, где всегда останавливаемся, дали лошадям ночью отдохнуть и вот прикатили в лагерь... Правда, хороши лошадки, товарищ командир?

— Да, лошадки замечательные, особенные лошадки! — сказал я ему, облегченно вздохнув.

Гирлянды

Наша разведка установила, что в городе Сарны немцы освободили большой дом и спешно приступили к его оборудованию. Комendant города, городская управа и полицейские беспрерывно сновали по городу в поисках мебели: зеркальных шкафов, никелированных кроватей, мягких кресел. Все, что им нравилось, они забирали и свозили в этот дом. «Здесь будут отдыхать наши сталинградские герои», — говорили они любозытным.

Было ясно, что дом оборудовался для отдыха старшего и среднего офицерского состава действующей армии. В ближайшие дни в Сарны ожидали прибытия первого эшелона.

Надо было устроить достойную встречу «героям».

26 ноября большая группа партизан — сорок два человека — во главе с моим заместителем по политчасти Стеховым заняла позиции у полотна железной дороги еще с вечера. В полночь подул сильный ветер, и сырой снег крупными хлопьями стал застилать землю.

Один раз мимо них по полотну прошли немецкие солдаты-путеобходчики с фонарями в руках, но нашей мины не заметили.

Ночь была уже на исходе, а состав не появлялся.

Обидно было уходить, не выполнив порученного дела. А уходить с рассветом надо было обязательно. Немцы на триста метров по обе стороны дороги вырубали деревья и кустарник, и днем эта операция могла стоить нам многих жертв.

Но вот сигнальщики, выставленные по сторонам от засады, дали знать, что с востока идет поезд. Уже по стуку вагонов было ясно, что идет порожняк. Через полчаса прошел второй состав, и тоже порожняком. Только перед паровозом было прицеплено несколько платформ, груженных балластом. Стехов понял: если два состава пустились порожняком, — значит, скоро пойдет тот самый состав, которого мы ждали.

Наконец услышали, что идет поезд. Наблюдатели просигнализировали. За паровозом уже видны были пассажирские вагоны, из окон которых бледно мерцал синий, маскировочный свет.

Стехов дал команду приготовиться. Подрывник Маликов натянул шнуры от мины. Когда паровоз прошел всю линию нашей засады и дошел до Маликова, он дернул шнур, мина взорвалась, паровоз задрожал, вмиг остановился, и на глазах партизан вагоны стали громоздиться друг на друга. Потом наступила тишина, и лишь минуты через две—три из дверей вагонов стали выскакивать немцы. Вероятно, они думали, что произошел взрыв и теперь им ничто не угрожает. Но вдруг последовал второй взрыв: взорвалась мина в хвосте поезда. За ней—еще две, под серединой эшелона. Тут начался обстрел.

Первым заговорил наш крупнокалиберный пулемет, снятый с разбившегося самолета и установленный на специально сделанной двуколке. Сперва обстреляли паровоз и пулями изрешетили котел. Затем дуло пулемета ровной линией прошло по вагонам. Пулеметную стрельбу дополнил огонь из автоматов.

Минут сорок продолжался обстрел эшелона. Партизаны видели, как один немецкий офицер с искаженным от ужаса лицом выскочил из вагона и начал громко смеяться: помешался от страха.

Было уже совсем светло, когда наши отошли в лес. Через два дня разведчики доложили о результатах диверсии.

Эшелон шел из-под Сталинграда и вез в Сарны на отдых офицеров: летчиков и танкистов. Через час после отхода парти-

зан на место диверсии прибыли немцы. Они оцепили весь район. Убитых и раненых отвозили на автомашинах и автодрезинах в Сарны, Клесово и Ракитное. Сколько убитых, точно не известно. Но только в Сарны привезли сорок семь трупов. Из Клесова и Ракитного нескольких убитых отправили в Германию. Это, наверное, были важные персоны.

Из сводок Совинформбюро нам было известно, что 23 ноября советские войска прорвали оборону немцев под Сталинградом и окружили шестую и четвертую немецкие армии. Поэтому мы были счастливы тем, что внесли хоть крохотный вклад в дело великой битвы.

У нас при этой операции совсем не было потерь. Только у бойца Ермолина пуля пробила каблук, но это с Ермолиным было уже неизбежно. Удивительно, до чего пули любили его! В любой стычке, будь хоть один выстрел, пуля обязательно попадала в него, вернее, не в него, а в его одежду: то в шинель, то в фуражку, то, вот как теперь, в каблук. После каждого боя Ермолину обязательно приходилось сидеть и штопать свое обмундирование. Только один раз за все время пуля его ранила, да и то шутя: попала в палец.

Удача этой операции была не случайной. Ею руководил Сергей Трофимович Стехов, мой заместитель по политической части. Стехов любил боевые операции и тщательно к ним готовился, продумывая каждую мелочь. Наши партизаны считали за счастье идти на операцию со Стеховым.

Заслужить общую любовь партизан — дело не такое легкое. А Стехова все любили и уважали. В нем сочетались замечательные качества бесстрашного командира-большевика и хорошего товарища. Маленького роста, стремительный, всегда опрятно одетый, перетянутый ремнями, с автоматом-маузером и полевой сумкой, он, в прошлом штатский человек, выглядел как на параде. В наших условиях жизни такая подтянутость была необходимым примером для партизан.

Сергей Трофимович всегда был среди бойцов, его обычно видели в подразделениях. Сидит, попыхивает трубочкой, которая служила ему, некурящему, защитой от мошкеры, и о чем-то разговаривает, кого-то выслушивает, кому-то дает совет.

Приближался праздник рождества. Подготовку к празднику немцы начали с обычного грабежа населения. Нам сообщили, что в село Виры нагрянули немцы, забирают последние продукты, на мельнице вытащили всю муку.

Мы решили взять крестьян под защиту. Группу бойцов повел опять Стехов. На дороге неподалеку от села Виры им довелось увидеть «предпраздничную» картину. Впереди группы немецких солдат шествует немецкий офицер в эсэсовской форме, в белых перчатках. Он не просто идет: он торжественно шагает. Солдаты держат ружья наготове (все-таки о партизанах они не забывают!). Позади шествия идут четыре пары волов, запряженных в телеги. На телегах визжат кабаны, кудахчут куры и гуси. Такова «заготовка» к праздничному столу.

Когда немцы подошли, Стехов первым дал очередь из автомата. Офицер вскинул руки и упал. За Стеховым мгновенно открыли огонь остальные бойцы, и в течение нескольких минут немцы были перебиты. Только двое залегли в кювет и открыли огонь.

Все награбленное немцами было возвращено крестьянам.

В конце декабря я вызвал из Ровно двадцать разведчиков для инструктажа. По дороге к лагерю они узнали, что отряд карателей сжег целое село. Кузнецов, Приходько, Стругинский и другие разведчики решили разгромить этот отряд. Они залегли у дороги, дождались карателей, и когда те подошли, открыли огонь. Лишь немногим немцам удалось убежать. Остальные были взяты в плен или убиты.

Николай Иванович на этот раз был особенно доволен.

Подавая мне какую-то вещичку, он сказал:

— Дмитрий Николаевич, посмотрите эту штучку. Мой личный трофей!

Я взял и начал рассматривать какой-то жетон из белого металла на прочной цепочке. На одной стороне по-немецки было написано: «Государственная политическая полиция»—и ниже: «№ 4835». На обороте был тиснут фашистский орел со свастикой.

— Эта бляха,— пояснил Кузнецов,— была у старшего гестаповца, который сейчас валяется на шоссе. Мне, пожалуй, эта штучка пригодится. У них здесь положено безоговорочно подчиняться тому, кто предъявляет такой гестаповский жетон.

Новый, 1943 год мы отметили партизанской елкой. В новогоднем номере партизанской газеты было помещено объявление:

«От желающих участвовать в новогодней елке требуются елочные украшения. Мы принимаем: 1. Светящиеся гирлянды из горящих фрицевских поездов. 2. Трофейные автоматы для звукового оформления. 3. Фрицев любого размера. 4. Каждый

может проявить свою инициативу. Подарки сдавать до 31 декабря».

Гирлянду из горящего поезда преподнесла на «новогоднюю елку» группа подрывников во главе с Маликовым.

Сарненскими лесами, где мы находились, немцы сильно интересовались. Чтобы отвлечь их внимание, мы решили взорвать поезд с западной стороны города Ровно, на железной дороге Ковель—Ровно.

Маликов, инженер по специальности, с двенадцатью бойцами и крупными минами отправился к намеченному месту. Они расположились поблизости от полотна железной дороги и с наступлением темноты подползли к будке стрелочника.

Старик-стрелочник охотно рассказал, что поезда здесь ходят часто и тяжело груженые: в сторону фронта—с войсками и вооружением, на запад—с ранеными, обмороженными и с награбленным имуществом. Поняв, что наши хотят сделать, старик сказал:

— Мне уж ладно, только вот как быть с народом? Ведь их постреляют!

Оказалось, что для охраны железной дороги немцы мобилизовали крестьян из ближайших деревень и предупредили, что если будет совершена диверсия, их расстреляют. Сторожевые посты из крестьян стояли метрах в пятидесяти друг от друга.

— Мы сами с ними посоветуемся,— сказал Маликов.

Разговор с крестьянами сразу пошел по душам. Крестьяне и не подумали отговаривать наших, нет. Обсуждали только, как произвести взрыв и уберечь их от беды.

Одна пожилая крестьянка предложила:

— А вы нас, ребятки, вяжите и делайте свое дело. Рты, что ли, заткните, ударьте, что ли, чтоб синячок позаметней был.

— Ну, уж бить-то вас нам не хочется!

— Тогда мы сами малость поколотим друг друга,— ответила та же крестьянка.

И смех и горе! Пока наши закладывали мины, «сторожа» бутузили друг друга. Потом партизаны их связали и положили около костра.

Скоро появился поезд.

Взрыв состава, груженого оружием, боеприпасами и другими военными материалами, был произведен блестяще. Паровоз стал «на попа». Шестьдесят вагонов разбились и сгорели.

Это и был наш елочный подарок стране!

Наша «столица»

В январе ударили двадцатиградусные морозы. Наши чумы — так мы называли свои лесные шалаши — оказались совсем непригодными для зимы. Часто меняя место лагеря, мы не могли устраивать теплые землянки, а ограничивались постройкой чумов из тонких жердей, обложенных еловыми ветками и засыпанных землей. Вместо дверей навешивали плащ-палатки. В середине крыши чума оставляли большую дыру для выхода дыма. Костер горел в самом чуме, а вокруг него веером укладывались спать партизаны: ноги к костру, головы под своды чума. От костра ногам жарко, а там, где голова, мороз. Бывало так: проснется человек, хочет встать, а головы поднять не может: волосы примерзли. Ночью то один, то другой вскожит от холода, потопчется у костра, что-бы согреться, и, съездившись, снова ложится.

А тут еще другая беда навалилась. По законам физики, дым из чума должен был выходить в верхнюю дыру. Но у нас дым вверх не выходил, а стлался по чуму, выедал глаза. Вероятно, мы все-таки неправильно строили свои шалаши.

Словом, бед было много, и мы приняли решение на время крепких морозов расквартироваться в селе Рудня-Бобровская. Село было надежное. Там уже давно стоял наш «маяк», который из местной молодежи организовал оборону от немцев и полицейских.

19 января отряд снялся с места и направился в Рудню-Бобровскую.

Приняли нас, как желанных гостей. Большая толпа крестьян встретила отряд около села и вместе с нашей колонной направилась к центру. Ребятишки забегали вперед и с палками вместо винтовок шагали около меня и Стехова.

На площади нас ожидали жители села. На здании сельсовета были вывешены портреты товарищей Сталина и Ворошилова. Народ ждал и верил в приход Красной Армии и сберег эти портреты.

Около стола, покрытого красной материей, с подносом в руках стоял пожилой крестьянин. На подносе были хлеб-соль.

Когда колонна подошла и остановилась, крестьянин вышел нам навстречу.

— Хлеб да соль вам, дорогие гости! — сказал он. — Милости просим, располагайтесь у нас, как у себя дома. Мы вас накормим и обогреем. Ваш отряд мы хорошо знаем и уважаем.

Вы нас не обижаете и в обиду немцам и бандитам не даете. Ну, а ежели теперь придется драться с заклятыми врагами, будем драться вместе.

Старик кончил говорить и передал хлеб-соль Стехову. Стехов взял поднос в руки и сказал ответную речь, простую и короткую.

Я дал команду—строй разошелся. Партизаны вмиг смешались с крестьянами. И такие задушевные начались разговоры, будто встретились старые, давние друзья!

Село Рудню-Бобровскую мы в шутку называли своей «столицей». Здесь был центр нашего отряда. А вокруг нас по крупным селам Сарненского, Ракитнянского, Березнянского и Людвипольского районов стояли наши «маяки». По сути дела, мы были во всей этой округе представителями советской власти.

Под контроль отряда были взяты все молочарни, работавшие на немцев, и немцы оттуда ничего уже не могли взять. «Оседлали» Михалинский лесопильный завод, посадили там своего коменданта и лесоматериалы выдавали только нуждающимся крестьянам. Мы громили немецкие фольварки уже на западном берегу рек Случь и Горынь. На нашей стороне они были разгромлены. Многие районы стали полностью нашими, партизанскими.

Из Ровно, из районных центров, с железнодорожных станций—отовсюду к нам, в «столицу», стекались важные сведения и тут же передавались в Москву.

В пятидесяти километрах на юг от Рудни-Бобровской организовали «оперативный маяк» во главе с Фроловым. Там продолжалось формирование местных вооруженных отрядов, которые вместе с нашими группами выполняли боевые задания.

Наша «столица» хорошо охранялась. Вокруг села были расставлены посты. Вместе с нашими бойцами на постах стояли местные жители из молодежи. Они ходили и с патрулями по селу. Это было очень надежно. Местные люди сразу же распознавали чужаков.

Прямо у села мы наладили прием самолетов. Почти каждую ночь Москва, как заботливая мать, сбрасывала нам подарки. В воздухе раскрывались огромные парашюты, и у самых костров падали тюки в мягкой упаковке—с обмундированием, теплой одеждой, питанием, папиросами.

Но в своей «столице» мы прожили всего только один месяц.

Николай Иванович Кузнецов, находившийся в Ровно, сооб-

шил, что Эрих Кох, гитлеровский наместник на Украине, приказал «очистить» Сарненские леса от партизан.

К этому времени в наших районах сосредоточилось большое количество партизан. Из партизанского соединения Героя Советского Союза генерала Сабурова прибыли два батальона. Недалеко, в Вороновке, стоял отряд подполковника Прокопюка; здесь же действовало еще несколько разведывательно-диверсионных групп. Такое скопление партизан беспокоило немцев. Выполняя приказ Коха, шеф ровенской полиции Питц наскреб в Ровно две тысячи эсэсовцев, прибавил к ним бандитов-националистов и расставил свои гарнизоны по районным центрам вокруг нас.

Но мы не стали ждать карателей. Когда они окружили Рудню-Бобровскую, нас уже там не было.

В начале февраля мы снова обосновались в лесу, в одном из своих старых лагерей. И в это время по радио мы приняли необычайно радостное сообщение: отборные немецкие армии в Сталинграде полностью разгромлены!

Николай Иванович, вернувшись из Ровно, рассказал нам много интересного. За последнее время через Ровно и Здолбуново необычайно усилились транспортные перевозки. Железные и шоссейные дороги забиты войсками. Рейхскомиссар Украины Эрих Кох издал приказ о «чрезвычайных мерах» в отношении районов, не платящих натурального и денежного налога. Приказано было также «решительно» расправиться с партизанами.

Две операции

Все переправы через реки по дороге из нашего лагеря в Ровно немцы перекрыли. Теперь для того, чтобы связаться с Ровно, требовались не один—два курьера, а целая группа бойцов, в двадцать—тридцать человек. Вооруженные стычки стали обычным явлением. Немцы и бандиты-предатели в этих стычках несли большие потери, но и с нашей стороны увеличилось жертвы.

Чтобы спокойно продолжать работу в Ровно, я решил с частью отряда перейти в Цуманские леса, расположенные с западной стороны города. Эти леса были разведаны нашими товарищами, которые ходили к Луцку во главе с Фроловым.

Я отобрал с собой сто пятнадцать человек. В старом лагере командиром остался Сергей Трофимович Стехов.

Помимо разведчиков, которые уже работали в Ровно, я взял с собой всех партизан, знающих город. Пошел со мной и Александр Александрович Лукин.

Переход этот был для нас сложной боевой операцией.

Первый бой мы провели с немцами у села Карачун, неподалеку от переезда через железную дорогу Ровно—Сарны. Немцы, видимо, узнали о нашем продвижении и устроили здесь засаду. После короткой перестрелки я решил отойти в лесок, чтобы выяснить, с какими силами врага мы имеем дело. Только мы отошли к месту засады, подошел поезд с карателями. Возможно, это подкрепление было вызвано по телефону.

Надо было во что бы то ни стало перейти через железную дорогу. Я решил нападать первым.

Едва каратели выгрузились и поезд отошел, раздалось наше партизанское «ура». Такого быстрого натиска немцы не ожидали. В военном деле стремительный и неожиданный натиск всегда дает преимущество. Мы побили человек двадцать немцев и пятерых взяли в плен.

Пленные, допрошенные Кузнецовым, показали, что из Ровно и Кастополя в район Рудни-Бобровской отправлено большое количество эсэсовцев. Эти же сведения подтверждали и местные жители.

— Не менее двухсот грузовиков с немцами да с пушками на прицепе пошло в ту сторону, — говорили крестьяне.

Я попытался по радио предупредить Стехова. Но радиосвязь не удалась. Тогда я отправил ему радиogramму через Москву, хотя понимал, что это предупреждение уже опаздывает.

В бою при переезде был убит один партизан и двое ранено. Раненым оказался наш инженер-подрывник Маликов: разрывная пуля раздробила ему два пальца на правой руке. Царский тут же на месте ампутировал перебитые пальцы и обработал рану.

Вторым раненым был испанец Гросс. Как ранее в боях с фашистским генералом Франко у себя на родине, он отличался храбростью и у нас в отряде. Редкая операция на железных дорогах проходила без его участия.

Ранение у Гросса оказалось серьезным. Разрывная пуля попала в лопатку и частично раздробила ее.

— Не скоро он в строй вернется.— доложил мне Цесарский.— Рана хотя и не опасна, но заживать будет долго.

К вечеру следующего дня новый бой. Наше передовое охранение, передвигаясь по ровному, как стрела, большаку в направлении села Берестяны, неожиданно было встречено пулеметным и ружейным огнем. Враги стояли лагерем в лесу, метрах в ста от дороги, а у дороги была их засада.

Бой длился часа два с половиной, и нам с трудом удалось пробиться.

У нас был ранен Коля Фадеев, командир взвода. Пуля раздробила ему кость ниже колена.

По приходе на место обнаружилось, что у Коли Фадеева началась газовая гангрена.

— Необходима операция, — доложил мне доктор Цесарский,— иначе погибнет Фадеев.

Что же делать?

Наше новое местожительство опять было в лесу. Густой лес, и пока никакого жилья. А ведь всякая операция требует чистого, закрытого помещения, света, настоящих хирургических инструментов. Ничего этого у нас пока не было. Хирургические инструменты, какие были, Цесарский оставил в старом лагере и взял с собой медикаменты и инструменты, необходимые лишь для оказания первой помощи.

— Как же быть?—спрашивал я Цесарского.

— Если разрешите, я ампутирую Фадееву ногу обычной поперечной пилой.

— Что вы, Альберт Вениаминович! Да разве это возможно?

— Риск, конечно, большой, но я приму все меры предосторожности. Без ампутации он умрет.

Пришлось дать согласие.

Предстояла на этот раз не боевая, а медицинская операция и совсем необычная.

«Эх,— думалось мне,— не даром Цесарский так приставал к Кузнецову и другим разведчикам, ходившим в Ровно, чтобы они достали ему медицинские инструменты и лекарства!»

Многое я передумал, много нервничал, пока готовилась эта операция. Дело шло о жизни молодого нашего товарища. Коле Фадееву только что минул двадцать один год.

Между тем наш хирург, внешне по крайней мере, казался совсем спокойным.

Он позвал к себе моего ездового Петра Петровича. Держа в руках простую поперечную пилу, Цесарский сказал ему:

— Вот, Петр Петрович, эти зубцы сточи начисто. Вместо них нарежь новые, маленькие.

И подробно стал объяснять, какие нужны зубцы и какого размера.

Через два часа пила с маленькими зубцами была готова, и Цесарский стал дезинфицировать ее—протирать спиртом, прожигать и снова протирать. Тем временем по его указанию в санчасти готовили все остальное: построили нечто вроде палатки, вернее, просторную четырехстороннюю загородку из еловых ветвей, с открытым верхом, чтобы было много света, кипятили инструменты, готовили бинты.

Минут за двадцать до операции Коля Фадеев позвал меня к себе. Я пришел. Здоровый, сильный и веселый, он лежал сейчас на земле, похудевший, с бледноземлистым лицом.

— Товарищ командир, если все сойдет благополучно, прошу вас дать мне рекомендацию для вступления в кандидаты партии.

До слез тронул он меня своей просьбой.

— Конечно, дам. Ты же молодец, Коля! А за операцию не беспокойся. Ведь у нашего доктора все выходит хорошо.

О том, какой пилой ему собираются отнимать ногу, и о всех наших волнениях Фадеев, конечно, не знал. Но он понимал, что операция в таких условиях—дело рискованное.

Кроме Цесарского и его помощника, все мы, в том числе и я, отошли от «операционной».

Через несколько минут мы услышали... громкие ругательства. В нашем отряде ругаться запрещалось строго-настрого. Сами бойцы считали, что сквернословие недостойно советского партизана. Но под наркозом Коля разошелся.

— Вот человек и душу отведет, и наказания ему никакого не будет!—сказал стоявший рядом со мной Лукин, желая шуткой скрыть свое волнение.

Операция продолжалась больше часа.

Хорошо, что у Цесарского было много хлороформа: на открытом воздухе хлороформ быстро улетучивается.

Цесарский пришел ко мне после операции бледный, измученный, на лице капельки пота.

— Есть, конечно, большая опасность, но надежды на спасение не теряю.

И он не ошибся. На другой же день температура у Фадеева снизилась, и все пошло, как в первомклассном госпитале. Он стал быстро поправляться.

А через несколько дней Коля опять попросил меня зайти.
— Товарищ командир! Неужели правда, что я ругался во время операции? Или, может, ребята наврали?

Я улынулся.

— Значит, правда? Вы уж меня извините.

— Ничего, Коля, ничего. На этот раз придется извиниться...

— Спасибо, товарищ командир... У меня к вам еще один вопрос. Что же я теперь без ноги буду делать? Я не хочу отпавляться в тыл.

— Погоди, придумаем, ты еще полезнее других будешь.

— Вот и за это большое спасибо!

По выздоровлении мы назначили Фадеева начальником учебной группы по подготовке подрывников. Ему была доверена охрана и учет всего подрывного имущества. Он очень хорошо выполнял свои обязанности. И рекомендацию в партию я, конечно, ему дал.

Случай с Колей Фадеевым — не единичный. Самые чистые, лучшие свои чувства партизаны связывали с большевистской партией.

Трудно переоценить значение и роль нашей партизанской коммунистической организации. Из Москвы в числе бойцов и командиров прилетело только пятнадцать членов партии. Среди вновь вступивших в отряд членов партии было тоже немного. Но и небольшая количественно партийная организация имела в отряде громадный авторитет. Объясняется это тем, что члены партии и в боях и в быту вели себя безукоризненно. «Достойный большевик», — говорили о коммунистах партизаны.

Жизнь в боях и походах, жизнь в тревогах, постоянные трудности были наилучшей проверкой большевистских качеств человека.

Не удивительно поэтому, что почти с самого начала нашего пребывания в тылу врага от многих партизан стали поступать заявления о приеме их в партию.

Мы не могли в наших условиях оформлять прием в партию так, как это положено по Уставу. Анкет у нас не было, не писали мы и рекомендаций. Все делалось устно, сначала на заседании партийного бюро, потом на партийном собрании. Только секретарь делал у себя необходимые записи, чтобы потом, по возвращении в Москву, оформить вступивших товарищей и установить стаж со дня их утверждения на нашем партийном собрании.

Принимали в кандидаты и в члены партии только тех, кто зарекомендовал себя настоящим большевиком.

Помню, одними из первых были приняты в партию доктор Цесарский, секретарь комсомольской организации Валя Семенов и наш повар Дарбек Абдраимов.

И наша партизанская партийная организация день ото дня росла за счет лучших из лучших товарищей.

Помощники

Переход на новую базу в Цуманские леса на некоторое время отвлек наше внимание от Ровно. Теперь мы решили наверстать потерянное. Разведчики установили кратчайшие и наиболее спокойные дороги к городу, и в первых числах апреля в Ровно ушли не только те, кто уже раньше там работал, но и еще человек десять, знавших этот город. Гнедюк и Шевчук обосновались в Ровно на постоянное жительство. Михаил Макарович Шевчук, старый подпольщик панской Польши, жил там под видом спекулянта. Как многие немцы, он носил темные очки и ходил по улицам с букетом цветов. Был у нас в Ровно и другой «спекулянт», красивый, стройный, прозванный украинками «гарны очи», Коля Гнедюк. И Шевчук и Гнедюк организовали свои подпольные группы и имели по несколько явочных квартир.

Место нашего нового лагеря оказалось значительно удобнее прежнего. Расстояние до Ровно сократилось почти вполовину. И путь к нему был лучше. Раньше разведчикам приходилось по пути к Ровно переходить две реки, а здесь была лишь одна узкая речушка—приток Горыни. Речушку эту переходили по небольшим кладкам.

На полпути к Ровно мы вновь организовали «маяк». В отличие от прежних, он находился не на хуторе, а прямо в лесу, в полукилометре от дороги Ровно—Луцк. Поэтому и назвали его «зеленый маяк».

Апрель в Западной Украине — хороший месяц. Снега уже нет и в помине. Кое-где зеленеет трава, почки на деревьях набухли и готовы вот-вот распуститься. Но ночи были еще холодные и сырые, особенно в лесу. Поэтому на «зеленом маяке» апрель был неласковым — разведчики по

ночам мерзли. Им приходилось спать на сырой земле. Согреться нигде: костры разводить они не могли, чтобы не обнаружить себя.

Помимо «зеленого маяка», каждому разведчику, уходившему в Ровно, указывалось отдельное место для «зеленой почты». В разных местах неподалеку от «маяка» подыскивались подходящие места в лесу: либо дерево с дуплом, либо пень или большой булыжник. В этих местах разведчик прятал свое донесение и тут же находил для себя почту из лагеря.

Места «зеленых почт» сохранялись в тайне—это были наши центральные узлы связи. Хожение на «маяк», дежурство там, сбор писем и разноска их по «зеленым почтам» поручались самым опытным и осторожным разведчикам. Их возглавлял Валя Семенов.

В это время наравне со взрослыми стал работать Коля Маленький. Мы его назначили курьером связи при Николае Ивановиче Кузнецове.

Одиннадцатилетний Коля, круглый сирота, был пастушком в деревне, когда столкнулся однажды с нашим разведчиком. Коля так настоятельно просил его взять к партизанам, что тот согласился. Мы к нему присмотрелись и увидели, что этот худенький, курносый, веснучатый мальчик очень сообразителен. Долгое время Лукин отдельно занимался с Колей, готовил его на роль разведчика.

Наша радистка Марина Ких взяла над Колей шефство: стирала и штопала его одежду, подолгу бывала с ним, рассказывала ему о Москве, о метро, о школе.

И еще один помощник появился у Кузнецова в Ровно: это была Валя Довгер.

Отец Вали, Константин Ефимович Довгер, работал лесничим в Сарненском районе. В марте месяце, выполняя наше задание, он попал к предателям в засаду и был зверски замучен.

С трудом разыскали мы тело замученного товарища и похоронили его с партизанскими почестями.

После похорон отца Валя пришла к нам в отряд.

— Мы с мамой заменим папу,— сказала она.

Я познакомил Валью с Кузнецовым. После первого же разговора с ней Николай Иванович сказал мне, что Валя во многом может помочь ему, если будет жить в Ровно.

Так мы и поступили. Валя отправилась в Ровно и стала подыскивать для себя квартиру. В апреле она там устроилась и сумела даже оформить прописку, что по тем временам

было делом нелегким: разрешение на постоянное жительство в Ровно давало только гестапо.

Теперь у Вали была удобная комната, с отдельным выходом, и она смогла взять к себе и мать и младших сестер.

С помощью Вали и ее подруг Николай Иванович познакомился с несколькими сотрудниками рейхскомиссариата и гестапо. Кузнецов — обер-лейтенант Зиберт — всем очень нравился. Веселый, остроумный, щедрый, он не жалел немецких марок на угощение друзей; этих марок у нас было много, целыми транспортами забирали мы их у немцев. Друзья уже знали, что Пауль — сын помещика из Восточной Пруссии, и после войны собирались посетить его большое и богатое имение.

Кузнецову удалось познакомиться с местным жителем, поляком по национальности, Яном Каминским. Каминский был членом польской подпольной организации. Но работала эта организация вяло, а Каминский рвался к активному делу. Он охотно согласился работать с Кузнецовым и скрепил свое слово письменной клятвой.

Изо дня в день мы стали получать от Кузнецова сообщения, одно интереснее другого. Мы узнавали о различных мероприятиях гитлеровцев на Украине и о планах немецкого командования. Николай Иванович сообщил нам фамилии и адреса советских людей, готовых бороться с гитлеровцами. Ему удалось выяснить фамилии и приметы тайных агентов, которых гестапо забрасывало в советский тыл с заданиями диверсионного и террористического порядка.

Однажды в ресторане Пауль Зиберт познакомился с обер-ефрейтором немецкой армии Шмидтом, который занимался дрессировкой собак для личной охраны рейхскомиссара Коха. Яркорыжий, веснучатый Шмидт был весьма польщен знакомством с блестящим офицером Зибертом.

— Очень, очень приятно! — говорил он, крепко пожимая руку Кузнецову.

— Я тоже рад с вами познакомиться. Я очень люблю собак и интересуюсь их дрессировкой. В имени моего отца целая пасарня... Будет время, заходите в гости, господин Шмидт.

И Кузнецов дал ему адрес своей «официальной» квартиры.

Шмидт не заставил себя ждать. В назначенное время он пришел к обер-лейтенанту Паулю Зиберту с немецкой овчаркой, которую дрессировал для Коха.

— Это восьмая. Я уже сдал господину гауляйтеру семь

овчарок. Но эта—лучшая из всех. Она сразу чувствует неарийца, партизана узнает за километр. Я ее отобрал на парне СС.

— Что вы говорите! Какая умница!—восхищался Кузнецов, бросая собаке кусок колбасы.

— Феноменальная собака!—восхищенно болтал Шмидт, с любовью глядя на свою воспитанницу, которая облизывалась, дружески виляя хвостом, и с благодарностью смотрела на Кузнецова.

За короткое время ефрейтор Шмидт оказался полностью под влиянием Кузнецова.

Зиберт дал Шмидту «взаимы» денег, Зиберт угощал в ресторане, Зиберт охотно выслушивал жалобы Шмидта и сочувствовал ему.

— Другие наживут за войну столько, что будут всю жизнь жить припеваючи,— скулил Шмидт.— А я как ничего не имел, так пустым и вернусь домой после войны.

— Дорогой мой,—утешал его лейтенант,— после войны я вас устрою управляющим в имении отца. Вы будете прекрасно жить. Я теперь же напишу домой о вас.

Со своей стороны и Зиберт оказывал полное доверие Шмидту. Он познакомил его со своей «невестой»—Валей Довгер.

— Хорошая девушка,—сказал доверительно Зиберт,— но ей не везет в жизни: отца убили русские партизаны, и документы о ее немецком происхождении попали в руки бандитов. Теперь она никак не может оформиться.

— Ну, боже мой, что вы говорите!.. У меня есть знакомые, через которых я помогу фрейлен Валентине оформиться.

— Буду вам очень-очень признателен, Шмидт,—с искренней радостью говорил ему Кузнецов.— Если потребуются расходы, не скупитесь. Пожалуйста!—и он вручил Шмидту пятьсот марок.

Через несколько дней Валя получила документ о принадлежности ее к «фольксдейч» и карточки на соответствующий паек.

Кажется, все было устроено. Но вдруг Валю вызвали в полицию и объявили, что она должна ехать в Германию. Конечно, мы не допустили бы ее отъезда, в любую минуту взяли бы ее в отряд, но это расстраивало наши планы. Надо было добиться законного права для проживания ее в городе.

За это дело опять взялся Шмидт.

— Столь сложный вопрос может разрешить только сам рейхскомиссар господин Кох,— объяснил Шмидт.— Сейчас он находится в Берлине, но в начале мая прибудет в Ровно. Вы, фрейлен Валентина, напишите заявление, а я передам бумагу адъютанту рейхскомиссара, капитану Бабах. Милейший человек! Он доложит ваше заявление.

Заявление было написано, и Шмидт взял его с собой, получив при этом от Кузнецова тысячу марок «на расходы».

— До разрешения этого вопроса вас никто не тронет, фрейлен,— обещал Шмидт взволнованной Вале.

Когда он ушел, Николай Иванович облегченно вздохнул:

— Ну, это дело устроится. А другое требует спешного разрешения. Коля Маленький пришел?

— Да, наверное, уже сидит во дворе.

— Зови его.

Коля действительно уже был около дома и пережидал Шмидта.

— Ну как, все благополучно? — спросил Кузнецов, взяв Колю на руки и целуя его.

— Прошел хорошо,— солидно и хмуро ответил Коля.

— Ты что это, обижен чем-нибудь?

— Да что это вы меня, Николай Иванович, как маленького, целуете! И на «маяке» тоже!

— Ох, какой ты важный! Хорошо, больше не буду. Сам попросишь, не буду,— весело сказал Николай Иванович.— А сейчас отдохни, покушай, и опять придется бежать на «маяк».

Хотя Коля был выносливым и подвижным, хождение на «маяк» его утомляло. От Ровно до «маяка» было двадцать пять километров. Туда и обратно в один день—пятьдесят. Это многовато!

Пока Коля отдыхал, Кузнецов написал донесение в лагерь. Через час Валя разбудила Колю.

— Я готов!

— Будь осторожен. Доверяю тебе важный пакет. Скажешь на «маяке», чтобы срочно отправили командирю. Сам дождешься ответа и быстро доставишь мне.

Коля взял пакет, спрятал его в потайной карман, простился и ушел.

— Господи,— сказала Валя, глядя ему вслед,— ведь совсем ребенок еще! Ему бы дома с мамкой жить!

— Да, Коля маленький, а ведь какие большие дела делает!— задумчиво ответил Николай Иванович.

На этот раз путь мальчика на «маяк» прошел не гладко. По дороге, километрах в пяти от Ровно, он вдруг услышал окрик «Хальт!» и, оглянувшись, увидел позади себя двух немцев. По дороге он их не видел, очевидно, они сидели где-то в засаде, в стороне от дороги. Коля мгновенно сообразил, что делать. Он бросился к лесу. Немцы открыли стрельбу, пули засвистели, но мальчик продолжал бежать, пока не скрылся в спасительном лесу.

Пакет от Николая Ивановича был доставлен на «маяк» и оттуда — мне.

Хозяева мнимые и хозяева настоящие

Донесение, которое нес Коля Маленький, было весьма интересным. Кузнецов сообщал, что в Ровно идет подготовка к празднованию дня рождения Гитлера. 20 апреля в честь фюрера немцы устраивают парад.

«Прошу разрешить «командование» этим парадом», — писал Кузнецов.

Несколько позже такие же донесения я получил и от других ровенских разведчиков.

«Разрешите на площади совершить акт возмездия над главарями оккупантов?» — запрашивал меня Шевчук.

Всем был дан одинаковый ответ:

«Категорически запрещаю. Этим мы можем сорвать всю работу по разведке. Придет время, и мы расправимся с оккупантами.

Разрешаю быть на параде в толпе людей. В случае, если кто либо помимо вас будет действовать, поддержите оружием».

Подготовка к гитлеровскому празднику проводилась так. Эсэсовцы и фельджандармы разъезжали по селам и отбирали у крестьян продукты и вещи. Награбленное добро сдавалось в специальные конторы фирмы «Пакетаукцион». Всей этой «заготовкой» ведал заместитель Коха — генерал Кнут.

В конторах «Пакетаукциона» из награбленных вещей и продуктов делались «подарки от фюрера», по десять — пятнадцать килограммов каждый. Подарки эти, прочно и красиво упакованные, раздавались немцам в самом Ровно, посылались на фронт и в Германию. Наши партизаны и в особенности местные жители Ровенской области знали цену этим «подаркам

от фюрера». Они знали, как добывались эти подарки, знали, сколько слез и крови стоили они нашим людям.

По всем дорогам «победители» конвоировали угоняемых в рабство жителей, обозы с награбленным крестьянским добром и продуктами.

20 апреля, как и было назначено, состоялся парад. Центральная площадь в Ровно была оцеплена. На ней выстроились все части немецкого гарнизона: каратели, войска, несшие охрану штабов, подразделения эссовцев и фельджандармов, отряды полиции.

У трибуны на специально отведенных местах расположились «почетные гости»: чиновники рейхскомиссариата, военная и гражданская знать. Среди гостей под руку с молоденькой девушкой стоял лейтенант Пауль Зиберт.

В назначенный час к площади на комфортабельных машинах подъехали высшие представители власти и командования. На трибуну поднялся первый заместитель Эриха Коха — правительственный президент Пауль Даргель. Высокий, худой, он шел, не глядя по сторонам. Следом за ним появился второй заместитель Коха, глава «Пакетаукциона», Кнут. Он с трудом нес свой огромный живот. Шеи на его фигуре совсем не было: между головой и туловищем все заплыло жиром. Пыхтя и сопя, Кнут взобрался на трибуну. Потом поднялись главный судья на Украине доктор Функ, командующий особыми, то есть карательными, войсками генерал фон Ильген и еще несколько высокопоставленных персон.

Несмотря на оцепление и строжайшую охрану, разведчики Шевчук, Гнедюк и несколько наших боевиков пробрались на площадь. Каждый из них имел при себе по два пистолета и несколько противотанковых гранат.

С речью выступал Даргель. Он говорил о «заслугах Гитлера», о «непобедимой немецкой армии», о том, что «немецкие власти обязаны здесь, в тылу, организовать все, в чем нуждается армия».

На площади украинского города Даргель нагло заявил:

— Пусть побежденные мрут с голода. Германскую нацию это несколько не беспокоит. У Германии свои великие идеи и цели. И мы добьемся их любой ценой.

Наши партизаны молча слушали речь правительственного президента.

Уходя с площади, Кузнецов громко на немецком языке говорил своей девушке:

— У вас очаровательные маленькие ножки. Немецкий офицер умеет ценить красоту. Разрешите, я вас провожу домой?

Девушка восхищенными глазами смотрела на храброго офицера немецкой армии.

Но когда они выбрались из толпы, Валя тихо сказала Кузнецову:

— Напрасно командир запретил. До чего ж тошно было все это видеть и слышать!

— Ты, Валя, права. Но нельзя рисковать всей работой. Не горюй! Живыми отсюда они не уйдут. Не они здесь хозяева!— и, мельком посмотрев на другую сторону улицы, Николай Иванович сказал:— Обрати внимание на человека в потертом пиджаке и кепке, который идет по левой стороне. Это один из настоящих хозяев города.

Мы уже давно догадывались, что в Ровно есть своя подпольная организация. Нетрудно было понять, что пожары на предприятиях, убийства немецких офицеров—дело рук подпольщиков. Но найти организацию мы долго не могли. Наконец по тоненькой ниточке сведений и намеков наша разведка дошла до директора войлочной фабрики большевика Терентия Федоровича Новака. Человек в потертом пиджаке и старой кепке был руководителем подпольной организации в Ровно.

Вскоре после парада Новак побывал в нашем лагере, и мы установили с ним полный контакт.

Эта организация провела в Ровно очень большую работу, но я расскажу, да и то вкратце, лишь о том, что сделано нашим отрядом совместно с подпольщиками Новака.

Мы начали с того, что регулярно снабжали городскую подпольную организацию сводками Совинформбюро. Там их размножали и распространяли среди населения. Время от времени мы пересылали Терентию Федоровичу Новаку «Правду», «Красную звезду» и другие газеты, которые нам сбрасывали с самолетов.

Кузнецов, Шевчук, Гнедюк, Николай Струтинский и другие наши разведчики не могли в городе вести агитацию или распространять листовки. Зато организация Новака широко развернула политическую работу среди населения.

Диверсионные ячейки организации Новака вместе с нами совершили два крупных подрывных акта.

В Ровно на полную мощность работал завод чурок, владельцем которого был приехавший из Германии немец Тангольц.

Чурки из дерева шли для газогенераторных автомашин немецкой армии. Завод этот был единственным на всей оккупированной Украине. По совместно разработанному плану, завод чурок был сожжен дотла.

Второй диверсией был взрыв на перроне Ровенского вокзала. Немцы разгрузили там несколько вагонов двухведерных бутылей с азотной кислотой. Подпольщики Новака заложили среди бутылей две полученные из отряда мины замедленного действия. После первого взрыва кислота из разбитых бутылей потекла по деревянному настилу перрона, и он начал гореть. Загорелись также плетеные корзины, в которых стояли бутылки. Немцы бросились тушить пожар, но в это время взорвалась вторая мина — и одна за другой начали рваться бутылки. Брызги кислоты и летевшие во все стороны осколки не давали возможности приблизиться к месту пожара. Спустя несколько минут пламя охватило весь перрон. Ликвидировать огонь уже нельзя было, и в течение нескольких часов немецкие полицейские и вызванные воинские части были беспомощными зрителями пожара.

Наш отряд получал от организации Новака большую помощь. Особенно благодарны мы были за медикаменты, перевязочные материалы и хирургические инструменты.

В медицинских и санитарных учреждениях в Ровно работали русские врачи — военнопленные или не успевшие эвакуироваться. Люди из подпольной организации связывались с ними, доставляли им медикаменты и медицинское оборудование по спискам Цесарского.

Узнав о нашем партизанском отряде, врачи просили и их взять в лагерь.

В то время мы остро нуждались в медицинском персонале. Схватки с немцами и бандитами-предателями участились, количество раненых увеличивалось. Подпольщики стали договариваться с врачами и фельдшерами и посылать их к нам. Приезжали они обычно в лес не с пустыми руками, а с ценнейшим грузом: вывозили из больниц и госпиталей целые подводы с медицинским оборудованием.

Скоро в нашем лагере собралось тринадцать врачей по различным специальностям и до двадцати фельдшеров. Прибыл к нам и зубной врач, притаив с собой целый зубоучебный кабинет, вплоть до бормашины, которая приводилась в движение ногой.

Так образовался у нас солидный госпиталь во главе с нашим молодым партизанским врачом Цесарским. В нем были хирургические и терапевтические отделения и зубоврачебный кабинет.

На приеме у Коха

Утром 15 мая обер-ефрейтор Шмидт зашел к Вале и торжественно сообщил: в четыре часа дня ее вызывает к себе рейхскомиссар Украины Эрих Кох.

Откланявшись, Шмидт ушел. Валя тут же побежала к Николаю Ивановичу.

— Что же теперь делать? А вдруг ловушка?

— Отступить поздно. Я, конечно, поеду... Я никак не предполагал, что вызовут и меня. Иначе я бы запросил командира.

— А без его разрешения нельзя?—и Валя многозначительно посмотрела на Кузнецова.

— Решу все на месте,— ответил ей Николай Иванович.

Около четырех часов дня по центральной улице Ровно, названной немцами «Фридрихштрассе», ехали в экипаже Валя Довгер, Пауль Зиберт и Шмидт. У ног Шмидта мирно сидела овчарка, та самая овчарка, которая «чуяла партизана за километр».

Николай Иванович был одет в блестящий парадный мундир. На кителе были наколоты и нашиты все заслуги и отличия: значок члена гитлеровской партии, ленты, которые указывали, что Зиберт дважды ранен в боях, и два ордена железного креста. Парадные сапоги начищены до блеска. На новеньком поясе, с левой стороны, пистолет в кобуре. В кармане второй пистолет на боевом взводе. Валя была в темном платье с креповой нашивкой на рукаве—знак траура по убитом отце. Еще раньше мы снабдили ее справкой от имени фельджандармерии, что «ее отец погиб от руки партизан».

На козлах, натягивая вожжи, сидел кучер. Это был Гнедюк. В кармане у кучера пистолет, под сиденьем несколько противотанковых гранат.

Дома вдоль улицы, по которой ехал экипаж, были сплошь заселены немецкими учреждениями и немецкими чиновниками. В конце ее помещался рейхскомиссариат—управление наместника. Рядом с рейхскомиссариатом, в тупике за высо-

ким забором с колючей проволокой, находился особняк— дворец Коха.

Экипаж остановился у дворца.

Вдоль забора прохаживались автоматчики-эсэсовцы.

Шмидт, торопясь, вышел из экипажа и подошел к караульному помещению.

— Пропуска для господина обер-лейтенанта Пауля Зиберта и фрейлен Валентины Довгер готовы?—спросил он через окошко у дежурного по охране.

— Так точно,— ответили ему.

Зная лично Шмидта, дежурный подал Кузнецову и Вале пропуска, даже не спросив документов.

Эсэсовец откозырял и пропустил всех троих за ворота.

Дворец Коха находился в огромном саду. Залитые солнцем дубы, липы, клены бросали тень на асфальтированную дорожку. Кусты сирени наполняли ароматом воздух. Садовники возились над цветочными клумбами, у плодовых деревьев.

Помимо большого особняка на территории дворца было выстроено еще несколько домиков — здесь размещалась охрана и прислуга Коха. Все это и много других мелочей успел заметить опытный глаз Кузнецова.

— Прошу вас пройти прямо к адъютанту, а я пойду сдать собаку,— сказал Шмидт, указав Зиберту на парадное крыльцо.

— Ты будешь стрелять?—задыхаясь от волнения, спросила Валя.

— Если буду уверен, что убью,— ответил Кузнецов.

Адъютант Бабах любезно встретил посетителей и проводил их на второй этаж, в приемную Коха.

— Садитесь, пожалуйста. Гауляйтер сегодня в хорошем расположении духа,— улыбаясь, предупредил он.— Сейчас доложу о вашем приходе.

И Бабах скрылся за тяжелой дверью.

В приемной в ожидании вызова молча сидели несколько офицеров. Среди них два генерала в полной форме. Не успели Валя и Кузнецов осмотреться, как адъютант вернулся.

— Прошу в кабинет рейхскомиссара,— обратился он к Вале.— А вас, герр обер-лейтенант, попрошу подождать.

У Вали кругом пошла голова. Не выдаст ли она себя? Позовут ли потом Кузнецова? Будет ли он стрелять в Коха? У двери она обернулась и посмотрела на Николая Ивановича.

Тот, сидя в мягком кресле, как ни в чем не бывало вполголоса о чем-то говорил с соседом-капитаном.

Адъютант открыл дверь кабинета, пропустил Валью, закрыл дверь и сам остался в приемной.

Валя сделала лишь шаг вперед, как к ней в два прыжка подскочила огромная овчарка. Валя вздрогнула от испуга.

— На место!—раздался громкий окрик на немецком языке.

Собака отошла прочь. Тот же голос предложил Вале:

— Прошу садиться.

Испуганными глазами посмотрела Валя на говорившего. За столом она увидела большого, полного человека с усиками «под Гитлера», с длинными рыжими ресницами и догадалась, что это и есть Кох.

Стол Коха был поставлен в кабинете углом, вплотную к нему примыкал перпендикулярно другой, длинный стол. За этот стол и пригласили ее сесть. Между нею и Кохом с двух сторон сидели охранники, у окна поодаль—еще один. У ног Коха лежала овчарка.

«Боже, какая охрана!» — успела подумать Валя, но тут же услышала вопрос.

— Почему вы не хотите поехать в Германию?—спрашивал Кох, глядя не на Валью, а на лежавшее перед ним заявление.— Вы девушка немецкой крови и были б очень полезны в фатерлянде. Чтоб победить большевиков, надо работать всем.

При последних словах Кох вскинул глаза на девушку и во время всего дальнейшего разговора уже смотрел на нее в упор.

— Моя мама серьезно больна, а сестры малы,— пересиливая волнение, стала объяснять Валя.— После гибели моего любимого отца я должна зарабатывать для всей семьи. Прошу вас разрешить мне остаться в Ровно и работать здесь. Я знаю немецкий язык, русский, украинский, могу и здесь принести пользу Германии.

— А где вы познакомились с господином Зибертом?

— Познакомилась случайно, в поезде. Потом он часто заезжал к нам по дороге с фронта. Мы с ним помолвлены,— добавила Валя смущенно.

Кох несколько минут беседовал с Валею. Он поинтересовался, с кем еще из немецких офицеров она знакома. Когда Валя назвала в числе своих знакомых не только сотрудников рейхскомиссариата, но и гестапо, Кох, видимо, был удовлетворен.

— Хорошо, идите, — сказал Кох и, обратившись к охраннику, резким голосом приказал позвать обер-лейтенанта Зиберта.

Ни одним словом Валя не могла перемолвиться с Кузнецовым. Они только посмотрели друг на друга: Валя—испуганно и вопросительно, Кузнецов—ободряюще.

— Хайль Гитлер!—переступив порог кабинета и выбрасывая руку вперед, провозгласил Пауль Зиберт.

— Хайль!—ответили за столом.

Овчарка зарычала, но Зиберт и бровью не повел.

Кох жестом показал вошедшему кресло, где перед этим сидела Валя.

— Где вас наградили крестами?—спросил Кох.

— Первым — во Франции, вторым — на ост-фронте, герр гауляйтер!— ответил Кузнецов.

— Что вы делаете сейчас?

— После ранения работаю по снабжению своего участка фронта.

— Какого?

— Курского.

Зиберт полез в нагрудный карман за документом, хотел показать его Коху. Но при этом, казалось бы, безобидном движении гестаповцы насторожились. Собака оказалась у ног Кузнецова.

— Не беспокойтесь. Вы ведь показывали документы моему адъютанту?

— Да, конечно.

— Откуда вы родом?

— Из Восточной Пруссии. В сорока километрах от Кенигсберга у моего отца имение.

— Значит, вы мой земляк.

— Так точно, герр гауляйтер!

— Каково настроение в армии?

— О, все полны решимости!

— Скажите, многих испугали последние события?

— Вы имеете в виду Сталинград? Он укрепил наш дух.

— Да, да. Имейте в виду, фюрер готовит хороший сюрприз русским,— многозначительно сказал Кох.

— Я не сомневаюсь, герр гауляйтер!

После минутного молчания Кох сказал:

— Я удивлен, что вы, заслуженный офицер германской армии, человек арийской крови да еще родом из Пруссии, ходатайствуете за какую-то польку.

Все это Кох проговорил с брезгливой миной.

— Герр гауляйтер! Фрейлен немецкой крови. Я сам видел документы ее отца, которого зверски убили бандиты,— оправдывался Зиберт.

— Если каждый германский офицер будет ходатайствовать за женщин из покоренных нами народов, то некому будет работать в нашей промышленности. Ведь вам известно, что мы все бросили на фронт и что у нас нехватает рабочих рук. Вы член национал-социалистической партии и не должны связывать себя с фольксдейчами. Эти люди нужны нам только для того, чтобы временно было на кого опираться в завоеванных государствах.

Будучи убежденным в «чистокровности» Пауля Зиберта и преданности его «фюреру», Кох уже без остановки начал его поучать:

— Ни русские, ни украинцы, ни поляки, по сути дела, нам ненужны. Нам нужны плодородные земли. Здесь отныне и навсегда будут немцы,— голос его брал все более и более высокие ноты,— местное население мы должны обезвредить...

В продолжение всей беседы, длившейся около сорока минут, Кузнецов чувствовал в правом кармане брюк взведенный «вальтер». Каждую секунду он готов был выхватить револьвер и всадить всю обойму в ненавистную морду своего «земляка», который, захлебываясь от собственного красноречия, решал сейчас сложную проблему, как добиться уничтожения польского и украинского народов.

Но охранники не сводили с Кузнецова глаз, настораживаясь при малейшем его движении. Уперлась в него глазами и овчарка. Видимо, она прошла специальную дрессировку для наблюдения за посетителями, которых усаживали на определенное кресло.

«И руки не дадут поднять,— думал Кузнецов.— Не допустят выстрела...»

Удовлетворенный своей программной речью, Кох вновь обратился к Кузнецову с вопросом:

— Что вы думаете делать после войны?

— Я хочу остаться в России.

— Вам нравится эта страна?

— Мой долг—работать в этой стране так, чтобы она нравилась фюреру.

— Ответ, достойный немецкого офицера. Хорошо, я разрешаю оставить здесь вашу возлюбленную. Надо иногда и по-

бежденным оказывать милость. Но вы и не думайте вступать с нею в брак,— закончил Кох и сделал надпись на заявлении Вали.

А Валя в это время, казавшееся ей бесконечным, сидела в приемной, настороженно всматриваясь в тяжелую дверь. «Вот сейчас раздастся выстрел... Вот сейчас...»—думала она. Но говорить приходилось о другом. Рядом сидевший немецкий офицер приставал с игривыми разговорами.

— Да, конечно, есть и подружки хорошенькие,— как в бреду, отвечала Валя.— Могу познакомить...

Но вот из кабинета Коха, улыбаясь, спокойно вышел Кузнецов. В руках он держал заявление Вали.

— Что вам написал герр гауляйтер?—громко спросил Бабах и, взяв у Кузнецова заявление, прочитал вслух:—«Оставить в Ровно. Предоставить работу в рейхскомиссариате». О, поздравляю вас, фрейлен, поздравляю вас, герр обер-лейтенант!

Все сидевшие в приемной стали поздравлять Зиберта и Валу и пожимать им руки. А Бабах, в знак особенного расположения, предложил Кузнецову несколько пачек отличных сигарет.

Валя взяла Зиберта под руку. Они вышли.

На квартире она спросила Кузнецова:

— Не решился?

— Это было бы безумием. Три охранника да еще за драпировкой—ты, вероятно, не заметила—кто-то. Проклятая собака у ног. Да если б я только шевельнулся, меня бы схватили... Лишь бы Кох не уехал из Ровно, его участь решена, он будет уничтожен, но уничтожен без риска для отряда, для тебя, для себя самого. Я теперь «проверенный». Ведь подумать только: уроженец Восточной Пруссии, рейхскомиссар Украины Кох не догадался, что разговаривает с советским партизаном, который и в Германии никогда не был!

Встречи с Ковпаком

Еще в феврале 1943 года, когда наш отряд в полном составе находился в Сарненских лесах, мы часто получали сообщения от наших разведчиков из Ровно, Сарн, Клесова и Ракивного, а также от местных жителей, что где-то на севере от нас действует крупное партизанское соединение.

— Ковпак ведет тысяч сто партизан,— говорили местные люди.

«Фельдшандармерия и каратели сильно обеспокоены каким-то крупным партизанским отрядом под командованием Ковпака. Немцы и немки с ужасом рассказывают, что Ковпак везде появляется неожиданно, истребляет немецкие гарнизоны, взрывает мосты и эшелоны. Боятся, чтобы он не пришел в Ровно»,— писал мне из Ровно Кузнецов.

Что это за соединение и кто такой Ковпак, мы тогда еще не знали.

Вскоре разведчик Валя Семенов доложил мне, что в Князь-Село прибыли партизаны Ковпака и расквартировываются по соседним селам.

— Ты их видел?

— Самого Ковпака еще не видел, но к нам едут его представители.

И, правда, через час я уже познакомился с представителем Ковпака. Я увидел человека среднего роста, коренастого, с большой русой бородой. Он слез с седла и представился:

— Вершигора, начальник разведки отряда Ковпака.

На петлицах его гимнастерки три прямоугольника, означавших, что он подполковник. На левой стороне груди новенький орден Красного Знамени.

Вершигора скупо отвечал на наши расспросы. Зато очень подробно интересовался обстановкой: как расположены немецкие гарнизоны, много ли войск в Ровно и области, какие села контролируются партизанами.

— Сидор Артемович Ковпак и Семен Васильевич Руднев решили отпраздновать годовщину Красной Армии. Они просили меня передать вам приглашение прибыть к нам в Князь-Село на праздник,— сказал Петр Петрович Вершигора.

На рассвете 23 февраля я в сопровождении небольшой группы партизан выехал в Князь-Село.

Много раз за время партизанской жизни мне приходилось встречаться во вражеском тылу с партизанскими отрядами, разведчиками, с отдельными партизанами. И всегда эти встречи как-то особенно волновали. «Мы не одни здесь. Нас много, мы везде»,— думалось мне. Но встреча с Ковпаком и его людьми запала мне в душу на всю жизнь.

Когда мы проезжали через села Ленчин и Рудню-Ленчинскую, где расположились подразделения Ковпака, я забыл, что нахожусь во вражеском тылу. По улицам ходили бойцы, воору-

женные автоматами и ручными пулеметами. На шапках ярко горели красные ленты и красноармейские звезды. Многие ковкапковцы были награждены, и новенькие ордена и медали горели на их гимнастерках. Кое-где у хат стояли станковые пулеметы и даже орудия. Партизаны распевали песни и лихо здоровались.

Ковпак в моем представлении был человеком огромного роста, с громовым голосом. Каково же было мое изумление, когда я увидел перед собой худенького человека лет шестидесяти, с тихим голосом. На его груди сверкали Золотая Звезда и орден Ленина.

— Здравствуйте, товарищ Медведев! — сказал Сидор Артемович.— Многое я слышал о вас и в Брянских лесах и здесь, на Украине. Добре работаете!

Ковпак стал забрасывать меня вопросами: давно ли мы в этих местах, как ведем работу, долго ли будем сидеть под Ровно. Я подробно рассказал Сидору Артемовичу обо всем.

— А сидеть будем здесь до тех пор, пока сюда придет Красная Армия.

В это время в комнату вошел высокий красивый человек с орденами на гимнастерке. Лицо у него было очень утомленное.

— Знакомьтесь, это мой комиссар,— показывая на вошедшего, сказал Ковпак.

Мы тепло поздоровались. Семен Васильевич Руднев включился в разговор.

— Правда, что вы имеете в Ровно своих партизан? — спросил он.

Услышав подтверждение, Семен Васильевич еще больше оживился. Он расспрашивал меня о всех тонкостях дела, как мы добились этого, по каким документам наши люди туда ходят, как удалось установить связь с местной большевистской подпольной организацией, кто такой Новак, как мы совместно организуем операции.

— Вот и нам бы организовать такую работу, Сидор Артемович,— сказал Руднев, обращаясь к Ковпаку.

Сидор Артемович попросил меня снабдить начальника разведки подходящими документами и добавил:

— Хлопцы для города у нас найдутся, только вот немца у меня нет.

— Какого немца? — спросил Руднев.

— Да у них один партизан в Ровно под немца работает.

— Ишь ты!.. Повидать его можно?

— К сожалению, нет. Он сейчас в Ровно, — ответил я.

— А нельзя ли через вашего «немца» узнать в Ровно о результатах диверсий, которые мы провели в Ровенской области?

Я обещал, что поручу это Кузнецову.

Близился вечер. В трех комнатах были накрыты праздничные столы. За ними уселись штабные работники, командиры батальонов и рот — всего человек семьдесят.

Первый тост за товарища Сталина поднял Сидор Артемович Ковпак. За ним выступил Семен Васильевич Руднев. Нужно было видеть, с какой любовью и искренней преданностью слушали собравшиеся командира и комиссара!

Затем слово предоставили мне.

Я говорил о своем отряде, о том, какой переполох у немцев вызвало появление Ковпака и ковпаковцев; не случайно, видимо, каратели, заходя в села и хутора, прежде всего спрашивают: «Ковпака нет?» Рассказал, что немецкие «правители» и их жены в Ровно смертельно боятся, что Ковпак нападет на Ровно.

Праздник закончился танцами и плясками под аккомпанемент баяна.

На рассвете мы выехали к себе в лагерь.

А через три дня, когда соединение Ковпака уходило по своему знаменитому Сталинскому маршруту, мы передали комиссару Рудневу подробные сведения, которые его интересовали.

С тех пор прошло четыре месяца. Мы перебрались за это время дальше на запад, за реки Случь и Горынь, обосновались в Цуманских лесах.

Помню жаркий июньский день, когда у моей палатки появился встревоженный связной, посланный секретным постом, выдвинутым к одной из дорог в двух километрах от лагеря:

— Товарищ командир, вдоль дороги со стороны села Журавчи движется немецкая колонна. Впереди конные, за ними — солдаты на фурманках. Есть и пушки.

Не успел я разобраться в этом донесении, как одновременно, запыхавшись, подбежали двое: боец с одного из постов, охранявших лагерь, и партизан, пасший наш скот на лесной полянке близ лагеря. Оба подтвердили, что своими глазами видели немецких конников.

Сомнений быть не могло: немцы появились с трех сторон.

Стехову с поддежурным взводом я приказал выдвинуться в сторону противника и наладить там командный пункт. Сам остался на месте, чтобы подготовить остальных и держать связь с другими постами.

Не успел Сергей Трофимович отойти и двухсот метров, как длинная пулеметная очередь прорезала лесную тишину. За ней — плотный автоматный и винтовочный огонь.

Я решил, что стреляют наши, и, опасаясь, что они зря переведут патроны, которых у нас и так маловато, послал связного с приказом стрелять прицельно, беречь боеприпасы.

Связной мигом скрылся за деревьями.

В это время докладывают:

— Товарищ командир! С поста сообщают: немцы на дороге разворачивают пушки.

Приказываю Базанову:

— Взять тридцать пять автоматчиков, захватить пушки!

Базанов мигом скрылся в лесу.

Бой разгорается. Доносятся крики «ура».

«Неужели Стехов повел людей в атаку, не предупредив меня?» — подумал я. Но вернулся посланный мною связной и доложил:

— Ваше приказание передано. Товарищ Стехов сообщил, что стрельба идет со стороны немцев, а наши стреляют мало. Он удивляется, что со стороны противника беспрерывно слышится русское «ура».

— Передать Стехову: людей в атаку не пускать. Справа от него — пушки, туда выслан Базанов. Пусть с ним свяжется.

Все же обстановка боя была неясной. Почему со стороны противника кричат «ура»? Откуда в лесу появились пушки? Неужели немцы послали вперед предателей? Ни я, ни оставшийся со мной Лукин ничего понять не могли.

Наконец все прояснилось.

Командиром поддежурного взвода, который пошел со Стеховым, был Борис Крутиков. Применяясь к местности, прячась за деревьями и пнями, они близко подобрались к противнику. Вдруг совершенно отчетливо Крутиков услышал:

— Ты что же, Борис, в своих стреляешь? — кричал ему женский голос со стороны наступающих:

Крутиков присмотрелся и чуть не обмер: в «противнице» он узнал свою соученицу, с которой когда-то в киевской школе сидел за одной партой. Они бросились друг другу в объятия.

А рядом события разворачивались так.

Приблизившись к дороге, где противник готовил к бою артиллерию, Базанов, чтобы нагнать на врага панику, громко скомандовал:

— Батальон! Первая рота — вправо, третья — влево, вторая — за мной!

Тут к нему подбегает незнакомый человек:

— Да наш батальон уже развернулся!

— Какой батальон?

— Второй батальон Ковпака!

Стрельба прекратилась, началось «братание». На нас «наступали» ковпаковцы.

С Сергеем Трофимовичем Стеховым мы пошли к Ковпаку.

И если первая наша встреча, в феврале, была очень теплой, очень дружеской, то эту встречу с Сидором Артемовичем мы в шутку назвали «горячей».

Ковпаковцы шли сейчас на Карпаты. Они были крепко вооружены, хорошо одеты и обуты. Неожиданность их появления в наших новых краях объяснялась тем, что двигались они быстро и последний их переход превышал пятьдесят километров. Ни наша разведка, ни тем паче местные жители не могли предупредить нас об их приближении. А за немцев их приняли потому, что конники-ковпаковцы почти сплошь были одеты в трофейное немецкое обмундирование.

Несколько дней простояли ковпаковцы неподалеку от нашего лагеря и каждый день от Ковпака с Рудневым приходили к нам в гости, то мы ходили к ним.

— Покажите нам вашего «немца», — вспомнил о Кузнецове Сидор Артемович.

Назавтра Ковпак и Руднев были у нас, и я представил им только что возвратившегося из Ровно нашего «немца», Николая Ивановича Кузнецова.

— О це дило, то дило! — говорил Ковпак, слушая рассказы Кузнецова о своей работе в самой гуще гитлеровцев.

За столом Сидора Артемовича удивила колбаса, которой мы угощали гостей. Тут и «московская», и «краковская», и «чайная», тут и сосиски, и окорока.

— Откуда така добра ковбаса?

— Сами делаем, Сидор Артемович.

У нас к тому времени действительно наладилось производство колбасы. Но не ради роскоши или прихоти мы занялись этим делом: разведчики уходили из отряда на неделю или две;

несколько человек постоянно дежурили на «маяках», им надо было питаться, а заходить в села за продуктами не разрешалось. Что можно было им дать с собой, кроме хлеба? Вареное мясо быстро портилось, и люди жили впроголодь. Производство колбасы явилось блестящим выходом из положения. Нашлись у нас такие специалисты- колбасники, что любая фабрика позавидует. Все это я и рассказал Сидору Артемовичу.

Часа через два, когда мы еще сидели за столом, появилась целая группа ковпаковцев.

— Товарищ командир Герой Советского Союза! — обратился один из них к Ковпаку. — Разрешите обратиться к полковнику Медведеву.

— Разрешаю, — ответил Ковпак.

— Товарищ полковник, мы прибыли к вам с просьбой обучить нас делать колбасу.

Оказывается, пока мы сидели и закусывали, Сидор Артемович послал связного с запиской к своему начальнику хозяйства, чтобы тот выделил людей для обучения их колбасному искусству.

...Соединение Ковпака ушло дальше по своему маршруту.

Перед его уходом мы выработали специальный код и условились о расписании для радиосвязи и позывных, чтобы взаимно информировать друг друга о наиболее важном, что могло помочь обоим отрядам.

Возмездие

Эрик Кох... Пауль Даргель... Герман Кнут... — эти имена были хорошо известны в Западной Украине, временно захваченной гитлеровцами. Главари гитлеровской шайки со своими подручными грабили, душили, уничтожали все живое на украинской земле. Одно упоминание этих имен вызывало содрогание и ненависть. С их именами связаны застенки и виселицы, рвы с заживо погребенными, грабежи и убийства, тысячи и тысячи погибших ни в чем неповинных людей.

Эрик Кох, являясь одновременно рейхскомиссаром Украины и гауляйтером Восточной Пруссии, бывал в Ровно только по несколько дней, наездами, а остальное время проводил в Кенигсберге, где у него были собственные заводы и фабрики. Пауль Даргель, правительственный президент, заместитель Коха по «политическим делам», почти безвыездно находился

в Ровно. Лишь время от времени он вылетал в Киев, Николаев, Днепропетровск или другие города, чтобы на месте направлять «деятельность» своры гитлеровских правителей. Руководство сетью националистических банд исходило тоже от Даргеля.

Николай Иванович Кузнецов уже давно готовился совершить акт возмездия над гитлеровскими главарями на Украине. В начале сентября, в течение нескольких дней, мы подробно обсуждали план его действий.

Перед уходом из лагеря, прощаясь со мной, Кузнецов передал мне запечатанное в конверте письмо.

— Это на всякий случай. Сберегите,—сказал он и, пожав мне руку, быстро ушел.

Я посмотрел на письмо.

На конверте было написано только четыре слова: «Вскрыть после моей смерти».

Валя Довгер к этому времени уже работала в рейхскомиссариате. Она должна была изучить распорядок дня Даргеля: когда он приходит на работу, когда уходит, все его приметы. Это поручение Валя тщательно выполнила. Она рассказала Кузнецову все подробности, даже провела его по маршруту, где обычно проходил Даргель. При этом сказала, что Даргель ежедневно выходит из рейхскомиссариата в 14 часов 30 минут и при нем всегда адъютант с кожаной папкой красного цвета. Самого Даргеля Николай Иванович видел только раз на параде, когда тот выступал с речью, и надеялся на свою память.

Это было 20 сентября. Шофер ровенского гебитскомиссариата военнопленный Калинин предоставил Николаю Ивановичу новенькую легковую машину «оппель-капитан» — личную машину гебитскомиссара.

На эту машину за шофера сел Струтинский, одетый в форму немецкого солдата, и Кузнецов — все тот же лейтенант Пауль Зиберт.

Даргель жил в особняке на одной из главных улиц, которую немцы называли «Шлосштрассе».

На этой улице жили только высшие немецкие чиновники. Там не разрешалось ходить украинцам и полякам. Только немцы могли здесь появляться.

В полной готовности Кузнецов и Струтинский поехали на машине по маршруту, где ходил Даргель. Время было выбрано

такое, когда Даргель должен был идти из рейхскомиссариата в свой особняк. Успех решала минута.

Стоять на улице с машиной и ждать было рискованно. У особняка Даргеля постоянно дежурил один фельджандарм. На улице Шлосштрассе их было несколько. Кроме того за две минуты до выхода Даргеля из рейхскомиссариата появлялись жандарм в чине фельдфебеля и агент гестапо в штатском. Они шли впереди Даргеля, просматривая, нет ли чего подозрительного.

Кузнецов и Струтинский решили дежурить в переулке, откуда был виден выход из рейхскомиссариата.

Ровно в 14 часов 30 минут из парадного хода рейхскомиссариата вышел генерал и с ним адъютант в чине майора, с красным портфелем подмышкой.

— Они, — сказал Кузнецов. — Коля, газ!

Машина быстро догнала обоих гитлеровцев. Кузнецов вышел из машины с револьвером в руке, подошел сзади к Даргелю и его адъютанту. Те, заслышав шаги, обернулись. Кузнецов в упор трижды выстрелил в генерала, потом в его адъютанта, и когда те упали, он еще по разу выстрелил в них.

Кузнецов прыгнул в машину. Струтинский дал полный газ, и она вмиг скрылась из виду.

Все это произошло в течение каких-нибудь двух минут.

При выстрелах люди, которые шли по улице, кинулись врассыпную. Произошло это во время обеденного перерыва, и людей было много.

Окна домов захлопнулись. А когда все опомнились, машины и след простыл.

Кузнецов был уже у нас в лагере, когда, дня через два после этого, разведчики Куликов и Галузо принесли из Ровно немецкие и украинские газеты. Николай Иванович с нетерпением схватил газеты, начал читать и... обомлел. Оказывается, убит был не Даргель, а имперский советник финансов доктор Ганс Гель и его адъютант Винтер. Голь совсем недавно приехал в Ровно, чтобы выкачивать налоги с населения.

— Ай, Николай Иванович, как же это вы опростоволосились! — сказал я Кузнецову.

— Наваждение, определенно наваждение! Я отчетливо помнил лицо Даргеля. Опять же этот адъютант с красным портфелем. Что все это значит? — не переставал удивляться Кузнецов.

Как после выяснилось, Гель действительно был похож на Даргеля. А поскольку Кузнецов только один раз видел его, он мог ошибиться.

Через десять дней после убийства Геля Кузнецов и Струтинский снова приехали в Ровно. Кузнецов теперь уже был в форме гауптмана — капитана (обер-лейтенанта в немецкой форме разыскивали).

На «оппеле», перекрашенном в черный цвет, стоял другой номер. Также среди белого дня, в 14 часов 30 минут, на том же самом месте Кузнецов метнул противотанковую гранату в Даргеля и его адъютанта. Оба они упали. Небольшой осколок гранаты попал в левую руку Николая Ивановича, но это не помешало ему быстро сесть в машину.

На этот раз опасность была большая. Недалеко стояла немецкая дежурная машина. Струтинскому пришлось проехать мимо нее. Гестаповцы метнулись к своей машине, но шофер, видимо, перепугался и никак не мог завести мотор. А когда завел, черный «оппель» уехал уже далеко.

Началась погоня. На окраине города гестаповская машина уже была видна Кузнецову.

— Сворачивай влево! — крикнул он Струтинскому, заметив, что впереди них идет такой же «оппель» черного цвета.

Струтинский свернул в переулок, потом в другой. Погони не было видно. Гестаповцы продолжали гнаться за «оппелем», но не за тем, в котором находились наши товарищи. Уже за городом немцы поймали «преступников». Они нагнали черный «оппель» и открыли по нему стрельбу. Пуля попала в крышу, и «оппель» на полном ходу, резко повернув в сторону, свалился в кювет. Из машины гестаповцы вытащили полумертвого от страха немецкого майора, избili его и увезли в гестапо.

Кузнецов и Струтинский благополучно вернулись на «зеленый маяк», а оттуда — в лагерь.

Но, как выяснилось позже, Даргель не был убит. Граната упала в бровку (кромку) тротуара, осколки и взрывная волна ударили главным образом в обратную сторону. Даргель был оглушен и тяжело ранен, и его тут же вывезли в Берлин. Карьера правительственного президента кончилась.

А из Берлина вскоре последовал приказ о снятии начальников ровенского гестапо, фельджандармерии и многих видных сотрудников этих учреждений.

Советские люди радовались: и здесь, во вражеском тылу, шла расплата с гитлеровскими захватчиками! Гитлеровцы, назначенные на освободившиеся посты, тоже не помогли оккупантам.

А на «зеленом маяке» вновь началась подготовка. Здесь только что перекрасили недавно уведенную из гаража рейхс-комиссариата машину «мерседес». Машина еще не высохла, когда Кузнецов и Струтинский усаживались в нее, чтобы ехать в Ровно.

Блестя свежей краской, «мерседес» с Кузнецовым и Струтинским подъехал к Ровно.

У заставы их остановили:

— Хальт! Ваши документы.

Кузнецов предъявил документ на себя и на автомашину. Их пропустили. Но проехали квартал, снова застава:

— Хальт! Ваши документы.

Кузнецов возмутился:

— Позвольте, у нас только что проверяли!

Жандарм доверительно пояснил:

— Извините, но сегодня на каждом шагу будет проверка. Мы ловим бандитов, одетых в немецкую форму,— и, просмотрев документы Кузнецова, он добавил: — Пожалуйста, проезжайте.

— Коля, сворачивай в ближайший переулок. Эдак где-нибудь да нарвешься,— сказал Кузнецов Струтинскому.

Проехав квартал, Струтинский свернул в переулок.

На углу Николай Иванович остановил «мерседес» и вышел на мостовую.

— Коля, смотри за главной улицей, а я буду помогать немцам.

Через несколько минут Кузнецов остановил проезжавшую машину:

— Хальт! Ваши документы!

Проверил и пропустил. Потом видит: идет вторая машина. Он поднял руку. Машина остановилась.

— Хальт! Ваши документы!

Ему отвечают:

— Господин капитан, у нас уже три раза проверяли!

— Извините, но сегодня на каждом шагу будут проверять. Мы ловим бандитов, одетых в немецкую форму.

Не успела отъехать эта, показалась новая.

— Хальт! Ваши документы! — грозно приказывает Кузнецов.

— Не беспокойтесь, господин капитан,— говорит один из пассажиров, показывая гестаповский жетон,— мы ловим того же бандита,— и, улыбаясь иронически: что ж, мол, дружок, своих не узнаешь,— поехали дальше.

Два часа проверял Кузнецов документы, пока Коля Струтинский не сказал ему, что на других улицах заставы уже сняты. Тогда они сели в свою машину и спокойно поехали.

Когда-то на параде Кузнецов и Валя видели на трибуне необыкновенно толстого человека. Это был генерал Кнут, заместитель рейхскомиссара Украины по общим вопросам и руководитель грабительской конторы «Пакетаукцион».

Грабёж населения был профессией Кнута; все достояние конторы «Пакетаукцион» состояло из награбленного. Сам Кнут наиболее ценное отбирал для себя лично. На этом деле он несказанно разбогател и так разжирел, что ему трудно было ходить. Выглядел он точь-вточь как большая свиная туша.

Контора «Пакетаукцион» помещалась близ железной дороги, на улице Легионов. На этой улице недалеко от конторы Кузнецов, Струтинский и Ян Каминский остановились в своей машине. Ждать им пришлось недолго. Ровно в шесть часов Кнут выехал из конторы.

Каминский приподнялся и, когда машина Кнута поворачивалась, бросил в нее противотанковую гранату. Переднюю часть машины разнесло; потеряв управление, она ударилась в забор.

Николай Иванович и Струтинский открыли огонь из автоматов. И после этого умчались.

Геля немцы хоронили пышно, с венками, с ораторами. Газеты были заполнены некрологами и статьями. О покушении на Даргеля тоже много шумели. А вот о Кнута нигде не единого слова не было ни сказано, ни написано. Как будто его и не было на свете, как будто ничего не случилось!

Кнут был убит, но немцы решили об этом молчать. В самом деле: они «хозяева», они установили «новый порядок», они «непобедимы», а их главарей среди белого дня на улицах Ровно, в столице оккупированной Украины, убивают партизаны! К тому же поймать виновников никак не удается. Лучше уж молчать! И без того создана невыносимая обстановка, на улицу не выйдешь не только ночью, но и днем.

Разгром «мастера смерти»

«Сюрприз», готовившийся Гитлером под Курском, о котором в мае Кох говорил Паулю Зиберту — Кузнецову, — кончился полным провалом. Потеряв двадцатитысячную армию, немцы отступали. Красная Армия в конце сентября подошла к Днепру. Когда-то самоуверенные и самодовольные, немцы потеряли веру в победу.

— Я у них сейчас, кажется, самый бодрый и самый уверенный офицер! — смеясь, говорил Николай Иванович Кузнецов.

Уже не надеясь удержать плодородную Украину в своих руках, немцы хотели выкачать как можно больше продовольствия. Но это им плохо удавалось.

Многочисленные партизанские отряды организовывали советских людей на сопротивление и борьбу с фашистами, громили их склады с продовольствием, взрывали эшелоны и мосты, истребляли немецких заготовителей.

Население огромной территории — между рекой Горынь с востока, железной дорогой Ровно — Луцк с юга и Сарны — Ковель с севера, почти до Луцка с запада — не давало оккупантам ни хлеба, ни скота. На этой территории оперировало несколько партизанских отрядов: отряд Прокопюка, батальон имени Сталина из соединения Федорова под командованием Балицкого, отряды Карасева, Магомета и наш отряд.

Скрывая истинное положение на фронтах, по-старинке уверяя в скорой победе над Красной Армией, немцы требовали от населения уплаты налогов и сдачи продовольствия.

Но, как говорится в русской пословице, воробья на мякине не проведешь. И партизаны и крестьяне оказывали оккупантам еще большее сопротивление. Тогда немцы применили чрезвычайные карательные меры. Для борьбы с партизанами и местным населением они выделили специальную авиацию. Ежедневно стали летать целые эскадрильи; они бомбили мирные селения и леса, где базировались партизаны.

Без стычек с немцами не проходило теперь почти ни одного дня. Людей в отряде требовалось значительно больше. Куда раньше ходило пять, десять человек, теперь снаряжали по роте, по две. А наш отряд раздробился. В Сарненских лесах осталось двести человек, под Ковелем на выполнении специального задания было семьдесят. Кроме того на «зеленых маяках» под Ровно и Луцком постоянно находилось около двадцати лучших бойцов.

Раньше о росте отряда мы не беспокоились, брали в отряд лишь таких людей, которые могли быть нам полезны для разведывательной работы. Если б перед нами стояла вообще задача роста, мы могли бы собрать целую армию. Желających пойти в партизанские отряды было огромное количество. Но нам этого не нужно было. Небольшим, но гибким отрядом мы легче выполняли свою разведывательную работу.

Теперь положение было иное. Требовалось большое количество бойцов.

Мы дали задание разведчикам и организации Новака в Ровно вести вербовку наиболее надежных людей в наш партизанский отряд. И каждый разведчик, возвращаясь из Ровно, стал приводить с собой по десять — двадцать человек.

Воспользовавшись этой вербовкой, в отряд проник предатель Науменко. Около месяца он пробыл у нас и потом скрылся.

Уже через несколько дней после бегства Науменко Кузнецов, Струтинский и Шевчук сообщили, что обстановка в Ровно крайне осложнилась. По улицам ходят шпики и агенты гестапо, заглядывают чуть не каждому прохожему в лицо, проверяют документы, устраивают облавы.

В своем донесении Струтинский писал: «Науменко видели в легковой машине. Он проезжал с гестаповцами по городу».

Хотя Науменко не знал наших явок в Ровно, но ему все же удалось навести гестаповцев на след одной из них.

В небольшом двухэтажном доме на углу главной улицы города и небольшого переулка, в квартире одинокой женщины, всегда останавливались Куликов и Галузо. Куликов до войны был сельским учителем, а Галузо — агрономом. Оба они в начале 1943 года присоединились к нашему отряду. Куликов и Галузо много раз ходили в Ровно.

Однажды ночью немцы окружили дом. Хозяйка первая это заметила и разбудила наших разведчиков.

Галузо посмотрел в окно:

— Хозяйшкa, ты уходи отсюда. Соври там что-нибудь или скройся. А мы тут останемся.

Хозяйка ушла.

— Рус, партизан, выходи! — слышался с улицы немецкий голос.

Куликов и Галузо тем временем спешно баррикадировались, закрывая двери и окна мебелью. Немцы стали ломиться. Партизаны из окон открыли огонь. Завязался бой.

По домику стреляли из винтовок, автоматов и пулеметов. Когда враги увидели, что это не помогает и меткие выстрелы партизан разят то одного, то другого из них, они вызвали помощь.

Подъехала машина с крупнокалиберным пулеметом. Из окна дома в эту машину была брошена граната. Машина и пулемет были разбиты. Пришлось гестаповцам вновь вызывать подкрепление.

Свыше шести часов длился этот бой в центре Ровно между двумя советскими патриотами и доброй сотней фашистских карателей.

Куликов и Галузо расстреляли уже все свои патроны, израсходовали гранаты, и только после этого немцы их взяли, но взяли... мертвыми. Поняв безвыходность положения, раненые, истекающие кровью, они покончили жизнь самоубийством.

Но на этом последствия предательства Науменко не кончились.

6 ноября 1943 года радисты с утра не снимали наушников. Ваня Строков регулировал громкоговоритель, а партизаны стояли рядом, ожидая с минуты на минуту услышать передачу из Москвы.

Вечером он наконец поймал волну — зачитывался приказ Верховного Главнокомандующего о взятии нашими войсками Киева. Это было огромной радостью для всей страны. Но можно представить, как радовались мы, услышав сообщение о взятии столицы Украины! Мы сами были на Украине. Мы были еще в тылу врага, по скорая победа и освобождение всей Украинской земли были уже близки.

Как и год тому назад, партизаны вновь услышали голос Сталина. По радио транслировался его доклад на торжественном заседании Московского Совета, посвященном двадцать шестой годовщине Великой Октябрьской социалистической революции.

Утром 7 ноября мы построили в лесу каре из бойцов отряда и зачитали записанный радистами ночью приказ товарища Сталина. Дружное, громкое «ура» разнеслось по лесу.

С полудня к нам стали приезжать гости, командиры соседних отрядов: Балицкий, Карасев, Прокопюк и Магомет. Каждый явился в сопровождении небольшой группы партизан своего отряда.

После роскошного, праздничного обеда начался вечер самодеятельности.

Сцена была устроена очень своеобразно: помост и по четырем углам костры. Эффект от этого освещения был замечательный.

Неожиданное для всех представление показали Валя Семенов и Базанов. Они выступили с акробатикой — кувыркались и выгибались, как настоящие циркачи. Свет и тени от костров скользили по их фигурам, как от театральных прожекторов.

Среди новых партизан, прибывших к нам из Ровно, оказались актеры ровенских театров. Один из них очень хорошо имитировал Чарли Чаплина.

Часов в одиннадцать вечера, когда наши гости уже разъехались по своим отрядам, а концерт все продолжался, ко мне подошел Стехов. Я сидел в первом ряду «партера», устроенного из бревен.

Стехов наклонился ко мне:

— Дмитрий Николаевич, на минуточку...

Я вышел.

— Только что прибежали разведчики из Берестян, — взволнованно говорил Стехов. — Туда прибыла крупная карательная экспедиция, с минометами и пушками. Час назад я получил сообщение, что и на станции Киверцы разгружается большой эшелон немцев. Ищут проводников, чтобы с утра идти на нас.

Это не было для нас неожиданностью. Еще недели за две до праздника Кузнецов сообщил, что каратели собираются идти в наши леса и имеют в виду именно наш отряд.

Кузнецов писал:

«Мне удалось узнать, что недавно в Ровно прилетел Кох. Он вызывал к себе командующего особыми (карательными) отрядами на Украине генерала фон Ильгена и приказал в самый короткий срок уничтожить партизанский отряд полковника Медведева.

В своем кругу генерал Ильген, — писал далее Николай Иванович, — рассказывал, что он затребовал к себе экспедицию под командованием генерала Пипера, которого называют «мастером смерти». Ильген собирается лично идти на партизан, чтобы «разговаривать с ними в их лагере».

Я постараюсь предоставить генералу Ильгену возможность побеседовать с вами в нашем лагере».

К письму был приложен план действий. План был рассмотрен и утвержден.

История с предателем Науменко заставляла нас думать, что немцам точно известно место нашего лагеря. Посоветовавшись со Стеховым, мы решили дать бой карателям.

Дождавшись конца очередного номера, я вышел на помост.

— Товарищи! — сказал я бойцам. — Получены сведения, что завтра с утра на нас пойдут каратели. Уходить не будем. Останемся верными своему принципу: сначала разбить врага, а потом уходить!

— Правильно! Ура! — подхватили партизаны.

Я поднял руку, призывая к вниманию:

— Праздник будем продолжать!

Несколько человек запели «В бой за Родину, в бой за Сталина». Песню подхватили все.

Праздничный вечер продолжался еще целый час.

Спать улеглись в полной боевой готовности. Кругом лагеря выставили дополнительные посты. В направлении Берестян выставили пеших и конных разведчиков.

На рассвете прискакал из-под Берестян Валя Семенов.

— Из села к нашему лагерю движется большая колонна немцев! — запыхавшись, выпалил он.

Почти в тот же момент донеслась пулеметно-автоматная стрельба.

В отряде у нас было в этот момент около семисот пятидесяти человек. Я расставил все силы вокруг лагеря, а вторую роту под командованием Семенова отправил в обход и приказал: незаметно нащупать, где находятся артиллерия, минометы и командный пункт немцев, чтобы ударить по ним с тыла.

Бой начался в десять часов утра, а кончился лишь к ночи. Я не помню более тяжелого положения. Немцы наступали большими силами, к ним подходили подкрепления, а у нас было семьсот человек и очень мало патронов...

Шесть часов вечера. Все больше нажимают враги, и уже стрельба приблизилась к самому лагерю. Вышли в бой последние наши резервы — комендант Бурлатенко с группой в пятнадцать человек легко раненых, только что получивших медицинскую помощь.

Мины рвутся в самом лагере. Огромные сосны ломаются и с треском падают. Немцы обступили нас кругом. Бой идет уже семь часов.

Я отдал приказ — запрягать обоз, грузить тяжело раненых и штабное имущество.

И вдруг с той стороны, откуда стреляли немецкие пушки и минометы, мы отчетливо услышали русское «ура».

Еще не смолкло «ура», как стрельба, будто по мановению волшебной палочки, прекратилась. Через пять минут снова был открыт огонь из вражеских минометов... но уже по немцам.

Растерянность и паника мигом охватили врагов, они стали бросать оружие, разбегаться.

Что за чудо?

Чуда, конечно, никакого не было. Успех боя обеспечила рота Семенова. Она зашла в тыл немцам. Не торопясь, Семенов основательно разведal и установил, где находятся артиллерийская и минометная батареи, узнал, что у карателей три пушки, три батальонных миномета, один десятиствольный миномет и что в двухстах метрах от батареи расположился в палатке их командный пункт.

Семенов разделил свою роту на две группы, и обе одновременно ударили по врагам. Одна группа захватила артиллерию и минометы и повернула стволы на немцев, другая захватила командный пункт и радиостанцию, через которую шло управление боем. Девятнадцать офицеров штаба и командир карательной экспедиции генерал Пипер, «мастер смерти», были тут же убиты. Это и решило дело.

Лишь к одиннадцати часам вечера бойцы собрались в лагерь; они преследовали в лесу разрозненные группы немцев.

Я был уверен, что немцы завтра же с новыми силами пойдут на нас и начнут бомбить лагерь с воздуха. Ночью уже стало известно, что со станции Киверцы продвигается другая немецкая колонна. Было принято решение: до рассвета уйти с этого места.

В бою у нас было убито двенадцать человек, ранено тридцать два. Мы похоронили убитых, оказали помощь раненым и начали сборы.

Я послал связных к Балицкому и Карасеву с записками, в которых сообщал, что до рассвета уйду из лагеря и что они могут взять себе часть наших боевых трофеев.

Трофеи были огромные. Мы отбили у карателей весь их обоз, который состоял из ста двадцати повозок, груженных оружием, боеприпасами, снарядами, минами и обмундированием. Были взяты три пушки, три миномета с большим количеством мин и снарядов, автоматы, винтовки и много патронов.

Из штабных документов, захваченных нами, мы узнали, что

бой с нами вели карательная экспедиция генерала Пипера и три полицейских батальона СС, всего около двух с половиной тысяч человек.

Судя по документам, карательной работой генерал Пипер занимался с первых же дней войны. Он со своими эссовскими батальонами побывал во всех оккупированных гитлеровцами странах. На Украине он свирепствовал месяцев пять.

На штабной карте генерала Пипера красной точкой был обозначен тот квартал леса, где мы находились. Это, конечно, сделал Науменко, но место он указал не совсем точно, поэтому вражеские мины и снаряды разрывались в стороне от лагеря.

В два часа ночи партизаны, впервые за сутки, поели. А в три часа отряд покинул свой лагерь.

Мы решили временно отойти к северной границе Ровенской области, чтобы привести в порядок свой отряд и попытаться самолетом отправить раненых в Москву. Здесь, в Цуманских лесах, я оставил небольшую группу под командованием Черного. Он должен был маневрировать, скрываться от карателей и принимать наших людей, которые будут приходить из Ровно.

Через день после нашего ухода немцы принялись бомбить с самолетов и обстреливать теперь уже пустой квартал леса. После «мощной артиллерийской подготовки» они беспрепятственно подошли к лагерю. Обрато из лагеря немцы волочили свои «трофеи» — побитых нами в бою немцев. Трупов было немало: мы там уложили не менее шестисот человек.

Мертвую тушу генерала Пипера немцы отправили самолетом в Берлин. Фашистские газеты плакали о нем навзрыд, писали, что Пипер был большой опорой оккупационных властей, и уж больше не называли его «майстер тодт» — «мастер смерти».

Продолжение следует

В тот день, когда мы вели бой, вот что произошло в Ровно.

На Мельничной улице, у ворот особняка, который занимал командующий особыми войсками на Украине генерал Ильген, всегда стоял часовой. Однажды около этого особняка появился назойливый мальчишка в коротких штанах и с губной гармошкой. Несколько раз он попадался на глаза часовому.

— Шо ты тут шукаешь?

— Так, ничего.

— Геть! Це дом генеральский, тикай. Як спиймаю, плохо буде!

Мальчик убежал, но из-за угла он продолжал наблюдать за домом.

Вскоре к особняку подошла Валя с папкой в руках.

— Здравствуйте! Не приезжал господин генерал? — справилась она у часового.

— Нет.

— А кто там? — и Валя взглянула на дом.

— Денщик.

— Я пройду и подожду генерала. Для него срочный пакет из рейхскомиссариата.

Валя не раз приносила Ильгену пакеты, и часовые ее знали. В особняке ее встретил денщик, который начал работать у Ильгена лишь несколько дней назад.

Валя это хорошо знала, но, сделав удивленное лицо, спросила:

— Я из рейхскомиссариата. А где же старый денщик?

— Та вже у Берлини!

— Зачем он туда поехал?

— Поволок трофеи. Прошу, фрейлин, до хаты, там обождете.

— Нет, я дожидаться не стану. Мне тут надо отнести еще один срочный пакет. На обратном пути зайду. Генерал скоро будет?

— Должен быть скоро.

Сказав часовому: «Я скоро опять зайду», — Валя ушла. За углом она увидела мальчика:

— Беги скорее и скажи, что все в порядке. Пусть едут!

Коля Маленький стремглав побежал на квартиру, где его с нетерпением ждали Кузнецов, Струтинский, Каминский и Гнедюк. Все они были одеты в немецкую форму.

— Валя сказала, что можно ехать, все в порядке! — выпалил он.

— Хорошо. Беги сейчас же на «маяк». В городе сегодня опасно оставаться. Беги, мы тебя догоним, — сказал Кузнецов.

— Тикаю! Прощайте, Николай Иванович!

Коля замешкался минутку, потом подошел к Кузнецову и поцеловал его в щеку.

— Ай, стыд какой! Ты же не маленький! — смеясь, заметил тот и сам поцеловал Колю. — Беги скорее!

Через несколько минут они уже были у особняка Ильгена. Кузнецов в форме гауптмана первым вышел из машины и направился к особняку.

Часовой, увидев немецкого офицера, отсалютовал:

— Господин гауптман, генерал еще не прибыл.

— Знаю!—резко кинул ему по-немецки Кузнецов и прошел в особняк.

Следом за Кузнецовым шел Струтинский.

В передней сидел денщик и дремал.

— Я советский партизан,— отчетливо сказал ему Кузнецов.— Хочешь остаться живым, помогай. Не хочешь, пеняй на себя.

Денщик опешил: немецкий гауптман... партизан!.. Дрожа и стуча от испуга зубами, он бормотал:

— Да я зараз с вами... Мы же мобилизованные, поневоле служим...

— Ну, смотри!

Обескураженный денщик, все еще не веря, что немецкий офицер оказался партизаном, застыл на месте.

— Как твоя фамилия? — спросил Кузнецов.

— Кузько.

— Садись и пиши,— приказал Кузнецов.

Под диктовку Николая Ивановича денщик написал: «Спасибо за кашу. Ухожу к партизанам. Беру с собой генерала. Кузько».

Эту записку положили на видном месте на письменном столе в кабинете генерала Ильгена.

— Ну, теперь займемся делом, пока хозяина нет дома,— сказал Кузнецов Струтинскому.

Николай Иванович и Струтинский произвели в особняке тщательный обыск, забрали документы, оружие, связали все это в узел.

Струтинский остался с денщиком, а Николай Иванович вернулся к часовому. Около того уже стоял Гнедюк. Кузнецов, подходя, услышал:

— Эх, ты!— говорил Гнедюк.— Був Грицем, а став Фрицем.

— Тикай, пока живой,— как-то вяло и неуверенно отвечал часовой. — Какой я тебе Фриц?

— А не Фриц, так помогай партизанам!

— Ну как, договорились? — спросил подошедший сзади Кузнецов.

Часовой резко повернулся к нему.

— Гауптман тоже?— выпучив глаза, спросил он.
— Тоже, тоже! Идем со мной! — скомандовал Кузнецов.
— Господин офицер, мне не положено ходить в дом к генералу.

— Положено или не положено, неважно. Ну-ка, дай твою винтовку,— и Кузнецов разоружил часового.

Тот поплелся за ним в особняк.

На посту за часового остался Коля Гнедюк. Из машины вышел Каминский и начал прохаживаться около дома.

Все это происходило в сумерках, когда еще было достаточно светло и по улице то и дело проходили люди.

Через пять минут из особняка вышел Струтинский, одетый в форму часового, с винтовкой, и стал на посту. Гнедюк пошел в особняк.

Все было готово, но Ильген не приезжал. Прошло двадцать, тридцать, сорок минут. Ильгена все не было.

Часовой, который стоял на посту, а сейчас сидел в передней особняка, опомнившись от испуга, сказал вдруг Кузнецову: — Может произойти неприятность. Скоро должна придти смена. Давайте я опять стану на пост. Уж коли решил быть с вами, так уж помогу.

— Правда должна быть смена?— спросил Кузнецов денщика.

— Так точно!— ответил тот.

Гнедюк позвал Струтинского. Снова произошло переодевание, часовой пошел на пост и стал там под охраной Каминского. А Струтинский сел в машину.

В это время подъехал Ильген. Он быстро вышел из машины, отпустил шофера и направился в дом.

— Здоров очень, трудно будет с ним справиться. Пойду на помощь,— сказал Струтинский Каминскому, когда увидел генерала Ильгена.

Как только денщик закрыл дверь, в которую вошел Ильген, Николай Иванович, наставив на него пистолет, сказал раздельно:

— Генерал, вы арестованы! Я советский партизан. Если будете вести себя как полагается, останетесь живы.

— Предатель! — заорал во всю глотку Ильген и схватился за кобуру.

Но в это время Кузнецов и подоспевший Струтинский схватили Ильгена за руки:

— Вам ясно сказано, кто мы. Вы искали партизан — вот они, смотрите!

— На помощь!.. — заорал снова Ильген.

Тогда его повалили, связали, заткнули рот платком и потащили. Когда втакивали в машину, платок изо рта выпал, и он снова заорал.

Часовой подбежал.

— Смена идет! — крикнул он Кузнецову.

Николай Иванович поправил китель и, кинув на ходу: «Заткните ему глотку», — пошел навстречу подходившим людям. Но это была не смена: шли четыре немецких офицера. Кузнецов подошел к ним, показал свою бляху (пригодился «личный трофей») и сказал:

— Мы поймали партизана, одетого в немецкую форму, который хотел убить генерала. Позвольте ваши документы.

Те показали документы. Бляха, взятая когда-то у гестаповца, обзывала офицеров подчиниться. Николай Иванович записал в свою книжку их фамилии и сказал:

— Вы трое можете идти. А вас, господин Гранау, — он обратился к четвертому, — прошу вместе с нами поехать в гестапо.

По документу Кузнецов увидел, что Гранау был личным шофером рейхскомиссара Эриха Коха. «Пригодится», — подумал он.

Когда Гранау подошел вместе с Кузнецовым к машине, Каминский и Гнедюк, по знаку Николая Ивановича, быстро втокнули его в машину и обезоружили.

«Опелек», который вмещал только пять человек, повез семерых.

Оставив Ильгена и Гранау на «зеленом маяке», Кузнецов немедленно вернулся в Ровно.

В ночь и в особенности наутро в городе поднялся страшный шум. Пропал генерал! Немцы сбились с ног в поисках партизан. По улицам ходили патрули, жандармы рыскали по квартирам.

Но в то время, когда немцы, высунув языки, искали «преступников», а часовой и денщик на «зеленом маяке» рассказывали нашим ребятам о том, как они вчера сначала испугались, а потом помогали связывать Ильгена, Кузнецов, развалившись в кресле, сидел в приемной Функа, заместителя Коха, главного судьи на Украине.

Альфред Функ имел гитлеровское звание: «оберфюрер СС». До назначения на Украину он был «главным судьей» в окку-

пированной немцами Чехословакии и безжалостно расправлялся с чешскими патриотами. Прибыв на Украину, Функ продолжал свое кровавое дело. По его приказам поголовно расстреливали заключенных в тюрьмах, в концлагерях, казнили тысячи ни в чем неповинных людей.

Недавно, в связи с убийством Геля, Кнута и ранением Даргеля, Функ издал приказ о расстреле всех заключенных в роченской тюрьме. Тогда и было решено казнить этого палача. В подготовке участвовали Кузнецов, Струтинский, Каминский и парикмахер, у которого каждое утро брился Функ.

Кузнецов знал, что через пятнадцать минут придет Функ. В приемной была только секретарша, и с ней Николай Иванович завел разговор о погоде. Разговаривая, он то и дело поглядывал через окно на улицу, где прогуливался Ян Каминский.

А Каминский наблюдал за занавеской парикмахерской. Согласно выработанному плану, парикмахер должен был отодвинуть занавеску, когда побреет Функа и он отправится в помещение главного суда. Каминский, в свою очередь, должен был снять фуражку и почесать себе голову, когда Функ пойдет из парикмахерской в здание суда.

— Я вас буду ждать в шесть часов на углу Фридрихштрассе и Немецкой. Мы славно проведем время. Придете? — спрашивал Кузнецов секретаршу.

— Да, приду.

В этот момент Кузнецов заметил сигнал Каминского.

— Не найдется ли у вас стакан чаю для меня? Безумная жара! — попросил он секретаршу.

— Одну минутку, господин гауптман, я сейчас принесу.

Когда секретарша вернулась, в приемной уже никого не было. Она удивленно пожала плечами и села за свой стол. Тотчас же вошел Функ. Буркнув секретарше «гутен морген», он прошел в свой кабинет.

Через минуту там раздались два выстрела. Испуганная секретарша вскочила. Но тут она увидела, что из кабинета вышел гауптман и, не глядя на нее, скрылся на лестнице.

В помещении главного суда было много народа. Выстрелы всполошили всех, но Кузнецов, никем не заподозренный, вышел на улицу. У самого подъезда стояли только что подъехавшие две машины с гестаповцами и фельджандармами. Гестаповцы вышли из машины и с удивлением смотрели на второй этаж здания, где раздались выстрелы.

Кузнецов остановился рядом с ними и тоже удивленно, как и те, посмотрел на окна главного суда. Когда раздались крики «Убили, ловите!» и все бросились к зданию, Кузнецов пошел за угол, потом во двор, прыгнул через один забор, через другой и очутился около своей машины, где за рулем сидел Струтинский.

Каминский со своего поста наблюдал, как гестаповцы и жандармы, оцепив дом, лазали по крыше и чердаку в поисках партизана, а затем вывели из помещения суда десятка два людей, в числе которых были и немецкие офицеры, и увезли их в гестапо.

А Кузнецов и Струтинский были уже далеко за городом.

После боя с «мастером смерти» отряд отдыхал на севере Ровенской области в деревне Целковичи-Велки. Мы переформировались и устроили раненых в отряд Федорова-Черниговского. Кузнецов и Струтинский тоже прибыли к нам.

Но отдых был коротким. Красная Армия наступала. От командования из Москвы мы получили приказ: путем активных действий сеять панику среди оккупантов, не давая им возможности ни готовить оборону, ни эвакуироваться с награбленными ценностями.

Всем отрядом мы поспешили на место старого лагеря.

Однажды дежурный по лагерю доложил, что в лагерь едут гости.

Человек десять верховых медленно подъезжали к нам.

— Бегма,— отрекомендовался подошедший ко мне коренастый человек.

— Милости прошу!

Василий Андреевич Бегма до войны был секретарем Ровенского обкома партии. И теперь он оставался на своем посту, являясь членом подпольного ЦК КП(б)У, начальником штаба партизанского движения Ровенской области и командиром партизанского соединения.

До этого дня я не был знаком с Василием Андреевичем, но много слышал о нем и давно ждал встречи.

Василий Андреевич прибыл издалека, с северо-востока. После деловых разговоров, за обедом, Бегма стал рассказывать о том, что какой-то партизан, переодетый в форму не-

мецкого офицера, наводит ужас на немцев в городе Ровно, убивает крупных немецких заправил среди белого дня прямо на улице, украл немецкого генерала.

Рассказывая, Василий Адреевич и не подозревал, что этот партизан сидит с ним рядом за обеденным столом. Лукин порывался было перебить рассказчика, но я дал знак ему, чтоб молчал. А Николай Иванович Кузнецов внимательно слушал Бегму.

— Вот это дела! Не то, что мы с вами делаем,— закончил Василий Адреевич.

Здесь же мы ему представили нашего легендарного партизана.

В лагере под Целковичи-Велки мы задержались значительно дольше, чем предполагали. Ожидаемый из Москвы груз с боеприпасами и питанием для рации все не прибывал, да и командование не разрешало нам пока возвращаться на старое место.

— Разрешите мне отправиться к Берестянам,— обратился ко мне Лукин.— Разведчики нервничают. Рвутся в Ровно.

Я согласился, и Александр Александрович с ротой бойцов и группой разведчиков направился в Цуманские леса.

Уже через три дня через Москву мы получили радиogramму от Лукина. Он сообщал, что после перехода железной дороги неожиданно столкнулся с вражеской бандой и здорово расчесал ее.

Через неделю было получено разрешение на переход в район Ровно всего отряда. Добрались мы туда вполне благополучно, без единого выстрела.

На одном из привалов в небольшой деревушке, расположенной среди огромного соснового леса, мне подали радиogramму из Москвы. Командование поздравляло нас с успехами и сообщало, что Указом Президиума Верховного Совета СССР награждены орденами и медалями Советского Союза до ста пятидесяти партизан нашего отряда. Орденом Ленина были награждены Кузнецов, Николай Струтинский, Стехов, Ян Каминский и я; Шевчук и Жорж Струтинский—орденом Красного Знамени; Гнедюк—орденом Красной Звезды. Цесарский и Валя Семенов получили ордена Отечественной войны 1-й степени. Радисты, все без исключения, были награждены орде-

нами. Более двухсот партизан наградили партизанскими медалями. Получил партизанскую медаль 1-й степени и Коля Маленький.

Весть об этом молниеносно облетела весь отряд. Начались поздравления.

— Вы, Николай Иванович, больше чем кто-либо заслужили эту награду,— сказал я Кузнецову, поздравляя его.

— Теперь я еще в большом долгу перед Родиной,— ответил он.

Гигантскими шагами продвигалась Красная Армия на запад. Киевская, Днепропетровская и ряд других областей Украины были уже освобождены. Была освобождена и часть Ровенской области. Наша авиация бомбила военные объекты немцев в Сарнах, Ровно, Луцке, бомбила колонны отступающего врага.

В Ровно поднялась страшная паника. Учреждения стали эвакуироваться во Львов. Немцы наспех укладывали и волочили к вокзалу свои чемоданы с награбленными ценностями.

«Улетел фашистский коршун,— писал мне уже из Ровно Николай Иванович, намекая на Эриха Коха.— События на фронтах и шум, поднятый нами в городе, здорово напугали эту хищную птицу. Он и рождественский вечер, не дождавшись 25 декабря, устроил 22-го, чтобы скорее смотаться отсюда.

Не могу простить себе, что я опоздал на этот вечер. Кажется мне, что он больше уже по вернется сюда, а я так настроился разделаться с ним.

Во время моего отсутствия здесь подвизался гестаповец фон Ортель. Фон Ортель рассказывал, что в Германии изобретена какая-то летающая бомба вроде самолета, которая будет с большой быстротой покрывать расстояние до четырехсот километров и производить огромные разрушения.

Я хотел лично «поговорить» с ним, а при случае предоставить эту возможность и вам, но оказалось, что Ортель неожиданно исчез».

Эти сведения о самолетах-снарядах, которые гитлеровцы стали применять только месяцев восемь спустя, мы срочно сообщили своему командованию.

Николай Иванович сообщал еще данные о переброске и пе-

редвижении штабов с востока на запад и о минировании немцами ряда крупных домов в Ровно.

С территории, освобожденной нашей армией, в Ровно сбегалось громадное количество гестаповцев и жандармов. Террор еще больше усилился. На улице Белой, где обыкновенно производились расстрелы задержанных и арестованных, теперь каждую ночь, с вечера до утра, шла непрерывная стрельба. Расстреливали без разбора. Крытые грузовики всю ночь возили за город горы трупов.

— Видимо, кое-что стало о нас известно гестаповцам,— сказала мне Александр Александрович Лукин, докладывая об этом.

На последнем переходе

В конце декабря мы получили разрешение командования продвигаться к городу Львову. Красная Армия стремительно наступала. Были освобождены Житомир, Белая Церковь, Ракитное, Клесово и Сарны. Артиллерийская стрельба уже отчетливо была слышна в нашем лагере, особенно в ночное время и перед рассветом. Партизаны с радостью вслушивались в эту оружейную музыку.

Медлить было нельзя: мы могли оказаться в «окружении» своей армии, а нам надо было дальше «проводить» оккупантов. В начале января в лагерь вернулись разведчики из Ровно, Здолбунова и со всех наших «маяков». Лишь некоторым было приказано оставаться на месте до прихода Красной Армии. Новак тоже прибыл в лагерь с частью людей своей организации. Собранный вместе, отряд насчитывал уже до тысячи двухсот человек.

Валя Довгер осталась в Ровно. Она, как «сотрудница» рейхс-комиссариата, должна была вместе с немцами эвакуироваться во Львов. Николай Иванович очень тревожился за нее. Последнее время он почувствовал, что к нему в Ровно стали относиться с недоверием.

— Если меня действительно подозревают, то, естественно, Вале грозит опасность. А она мне очень дорога, мы так много вместе с ней пережили!— говорил Николай Иванович.

Позже выяснилось, что беспокоился он не напрасно: в ночь перед отъездом во Львов гестапо арестовало Валу.

Наш уход ко Львову задерживался. У нас не было топо-

графических карт нового маршрута, недостаточно было питания для рации и боеприпасов для отечественного оружия.

Чтобы не терять времени, мы решили отправить во Львов маневренную группу, для того чтобы в районе Львова выбрать место для нашего лагеря и подготовить явочные квартиры в самом городе.

Кузнецов страдал от вынужденного безделья.

— Дмитрий Николаевич! Смотрите, что получается. Красная Армия так быстро продвигается, что скоро и из Львова немцы начнут эвакуироваться. А ведь я там кое-что сумел бы сделать. Да и Валя, вероятно, уже там и ждет. Пустите меня одного!

— Вы, пожалуй, правы, Николай Иванович. Незачем вам тащиться со всем отрядом.

На этот раз машину для Кузнецова мы «одолжили» у гебитскомиссара города Луцка. Перекрасить ее мы не могли: у нас не было ни краски, ни времени. А чтобы все-таки эту машину не узнали, ей придали старый вид: поцарапали кабину, сорвали с колес колпаки. Всю эту «операцию» проделал шофер Белов, который, по заданию Струтинского, угнал эту машину из гаража. Мы решили отправить с Кузнецовым Белова и Яна Каминского, которые хорошо знали Львов.

Кузнецов уезжал по своим старым документам на имя лейтенанта Паула Зиберта. Но к этим документам мы добавили командировочное удостоверение во Львов, а затем в Краков «по служебным делам». Ян Каминский уезжал под видом крупного спекулянта, убегающего от Красной Армии.

Пока шли эти приготовления, мы со всем отрядом двинулись ко Львову. Кузнецов все еще был с нами. Отряд шел медленно, и автомашина Кузнецова не могла идти своим ходом. Даже на первой скорости она обгоняла бы колонну, к тому же шум мотора мог привлечь внимание карателей. Поэтому мы впрягли в машину пару хороших лошадей. Белов сидел на своем шоферском месте. Рядом с ним сел я, позади — Кузнецов и Каминский. За закрытыми дверцами машины мы подробно обсуждали план действий во Львове.

Нам надо было перейти железную дорогу Ровно — Луцк. Теперь это оказалось трудным делом. Чтобы меньше выставлять постов, немцы завалили почти все переезды, оградил их колючей проволокой и заминировали подходы. А там, где переезды остались, настроили оборонительные укрепления. Наши конные разведчики пробовали перейти железную доро-

гу в нескольких местах, но везде натыкались на пулеметный огонь. Отряд был большой, и времени на переход требовалось много. Вступать в бой с немецкими частями, которые могли вызвать себе подкрепление и даже бронепоезд, не было смысла.

Попутно с поисками выхода своему отряду мы устраивали засады на шоссе на дорогах, по которым двигались отступающие пехотные и моторизованные колонны врага.

Но Кузнецов решил больше нас не дожидаться. Я не возражал. Кто знает, когда и как мы перейдем железную дорогу!

Наступила минута отъезда Кузнецова.

— Ну, прощайте, Дмитрий Николаевич!—сказал мне Николай Иванович.

Я обнял его, и мы три раза, по русскому обычаю, расцеловались. Потом он попрощался с Лукиным, Стеховым, Струтинским и другими товарищами. Всем хотелось на прощанье покрепче обнять Николая Ивановича и сказать самое хорошее слово.

Кузнецов подозревал, что его разыскивают, и решил действовать осторожно. Около шоссе, в лесочке, километра за два от переезда, он остановил машину, и наши провожающие помогли замаскировать ее. До рассвета Кузнецов не выезжал. А когда уже стал брезжить рассвет, он пристроился к отступавшей колонне немецких автомашин и вместе с ней переехал через железную дорогу. Это было 17 января 1944 года.

Так мы расстались с Кузнецовым и были уверены, что через неделю—другую встретимся у Львова. Но все повернулось иначе.

Дня через четыре мы узнали от связного из Луцка, что Николай Иванович с Каминским и Беловым пробыли в Луцке двое суток и потом выехали во Львов. Почему он так долго был в Луцке, неизвестно. При выезде из города, у шлагбаума железной дороги, его остановил немецкий пикет и стал проверять документы. Проверяли какой-то майор-гестаповец и два жандарма. Вероятно, Кузнецов почувствовал что-то неладное. Он не стал ждать, пока проверят документы, перестрелял всех троих, разломал шлагбаум, и машина на полном газу умчалась. После этих сведений я очень долго ничего не знал о Кузнецове.

19 января мы решили перейти железную дорогу во что бы то ни стало. Для перехода наметили участок между двумя переездами, где были неглубокие кюветы.

Мы выдвинули две крупные боевые группы—налево и направо от намеченного места перехода. Каждую группу предупредили, что если будет идти бронепоезд, они должны взорвать его и биться до тех пор, пока мы не сообщим, что колонна прошла.

Отряд двигался через дорогу часа полтора, а может, и больше. Никто нам не помешал, прошли без единого выстрела.

19 января мы перешли железную дорогу, а с 20-го у нас начались бои. Нам предстоял двухсоткилометровый путь, на каждом шагу нас подстерегали крупные засады.

Ночью мы непрерывно двигались и, натываясь на засады, вели бои, а днем располагались на отдых, и тут вновь происходили стычки.

Особенно много боев провел отряд, когда мы пересекали границу Галиции, которую немцы сильно охраняли. И самая дорога, по которой мы шли, стала очень тяжелой. Начались предгорья Карпат, приходилось то забираться на высокие лесистые холмы, то спускаться вниз. Пушки и подводы со снарядами и ранеными тащили чуть ли не на руках. Снег то выпадал, то начинал таять, образуя на дорогах непролазную грязь. По пути нам встречались реки, и под огнем врага мы строили мосты и переправы.

На одном привале после боя Лида Шерстнева подала мне радиограмму. Это был приказ командования о выводе отряда в ближайший тыл Красной Армии.

Ближайшим тылом, по нашим расчетам, могли быть знакомые нам места, приблизительно там, где мы переходили железную дорогу Ровно — Луцк. Теперь наш отряд пошел назад уже по пройденному пути.

Утром 5 февраля метрах в трехстах от железной дороги Ровно—Луцк мы натолкнулись на расположение кавалерийских частей Красной Армии. Но это еще не было линией фронта: это были передовые подвижные части нашей армии, которые прорывались вперед во вражеские тылы и отрезали немцам пути отхода. Здесь эти части оседлали шоссе, по которой должна была отступить большая мотомеханизированная колонна немцев. Немцы сунулись на шоссе, напоролась на части Красной Армии и пошли в обход, к деревне, где расположился на отдых наш отряд. От разрывов снарядов и мин деревня загорелась. Мы отошли к лесу, залегли и открыли огонь. Немцы ринулись от нас в сторону и бросили свой обоз.

В этом бою у нас погибло восемь человек. И это был наш последний бой.

Вечером 5 февраля мы перешли железную дорогу и оказались уже на отвоёванной родной земле.

В конце февраля в санитарной машине я был отправлен в Москву. Со мной вместе поехали Коля Маленький и раненые, в том числе и наш доктор Альберт Вениаминович Цесарский. Отряд остался под командованием Сергея Трофимовича Стехова.

Письмо Кузнецова

...Я лежал в московском госпитале. После жизни, полной борьбы и опасностей, я оказался в тишине и покое. Не слышно выстрелов, не видно людей. Только время от времени в палату заходят врачи, сестры. Я чувствовал себя как-то тоскливо, непривычно. Единственное утешение — ежедневно свежие газеты и возможность слушать радиопередачи, не опасаясь, что нехватит питания для рации. Целыми днями я вспоминал в мелочах и подробностях нашу жизнь в тылу врага. И странно: насколько тогда, в ходе борьбы, мне казалось все недостаточным, теперь, когда я мысленно составлял отчет командованию, все представлялось значительным.

Мы передали много ценных сведений командованию о работе железных дорог, о переездах вражеских штабов, о переброске войск и техники, о мероприятиях оккупационных властей, о положении на временно оккупированной территории. В боях и стычках мы уничтожили до двенадцати тысяч вражеских солдат и офицеров. По сравнению с этой цифрой наши потери были незначительными: у нас за все время было убито сто десять и ранено двести тридцать человек. В своем районе мы организовывали советских людей на активное сопротивление гитлеровцам, взрывали эшелоны, мосты, громили немецкие хозяйства, предприятия, склады, разбивали и портили автотранспорт врага, убивали главарей оккупантов.

И по нескольку раз в день я вспоминал Николая Ивановича Кузнецова. Где он теперь? Что делает? Встретился ли с Валей?

И вот однажды я получил о нем весточку.

Я лежал с наушниками и слушал последние известия по радио. Без десяти минут двенадцать вдруг слышу:

«Стокгольм. По сообщению газеты «Афтенбладет», на улице Львова среди бела дня неизвестным человеком, одетым в немецкую форму, были убиты вице-губернатор Галиции доктор Бауэр и высокопоставленный чиновник Шнайдер. Убийца не задержан».

Я подскочил в постели, хотел подняться, но боль пронизала меня.

Итак, Кузнецов «не задержан». Да, это, конечно, сделал он, об этом мы говорили с ним в машине, которую тянула пара лошадей.

Но только через полгода я узнал подробности пребывания Николая Ивановича во Львове.

Вот что мне рассказали партизаны маневренной группы, которую я высылал вперед отряда во Львов.

Николай Иванович узнал, что вице-губернатор Галиции Бауэр будет в театре проводить совещание высших представителей немецкой власти. Кузнецову удалось проникнуть в зал во время совещания. Он посмотрел на Бауэра, сидевшего в президиуме, затем вышел и стал ждать неподалеку от театра. Совещание кончилось, и из театра стали выходить немцы. Вышел и Бауэр вместе со своим секретарем, сел в поданную машину и уехал. Следом за ним поехал на своей машине и Кузнецов. Он выследил, где живет Бауэр.

На следующий день машина Кузнецова неожиданно «испортилась», когда проезжала по улице Ивана Франко мимо дома Бауэра. Белов вышел из машины и начал копать в моторе. Кузнецов тоже вышел из машины и громко на немецком языке стал ругать шофера:

— Всегда у вас машина не в порядке. Вы лентяй, не следите за нею. Из-за вашей лени я опаздываю...

Продолжая возмущаться, он незаметно поглядывал на противоположную сторону улицы, где около красивого особняка стояла комфортабельная машина.

Ровно в десять утра из особняка вышли двое и направились к машине. Шофер выскочил из кабины и услужливо открыл дверцу. Но в эту минуту Кузнецов подошел к машине.

— Вы доктор Бауэр?—спросил он, обращаясь к одному из них.

— Да, я Бауэр.

— Вот вы мне и нужны!

Несколькими выстрелами он убил Бауэра и его секретаря. Затем бросился к своей машине. Пока он бежал, Каминский и Белов открыли огонь по часовому, стоявшему у особняка.

Видимо, Кузнецов, памятуя историю с Даргелем, решил сперва спросить у Бауэра фамилию, чтобы не ошибиться.

С бешеной скоростью машина пронеслась по улицам Львова и выехала за город. Километрах в двадцати от Львова, у села Куровцы, машину остановили жандармы. Гестаповец-майор долго рассматривал документы Кузнецова и, внимательно вглядываясь в пассажиров, стал требовать дополнительные документы. Николай Иванович понял, что ждать хорошего нечего, и через открытую дверь машины дал очередь из автомата. Майор и четыре жандарма были убиты.

Позади, на шоссе, показалась погоня. Белов нажимал: 100, 110, 120 километров... Но тут беда: кончилось горючее.

Кузнецов, Каминский и Белов выскочили из машины и побежали к лесу. Это был Гановический лес. Там, после трехдневного блуждания, они нашли партизанский отряд Дроздова.

Но у Дроздова не было радиостанции, и Кузнецов все в той же немецкой форме вместе с товарищами ушел к линии фронта, чтобы пройти в тыл Красной Армии.

Больше партизаны ничего не знали о Николае Ивановиче. А между тем прошло уже много времени.

Последние сведения о нем были найдены в бумагах львовского гестапо. При разборе захваченных документов гестапо была найдена копия телеграммы-молнии, адресованной в Берлин. В ней говорилось:

«Строго секретно.

Берлин. В Главное управление имперской безопасности для вручения СС группенфюреру и генерал-лейтенанту полиции Мюллеру — лично.

1/IV 1944 года отрядом жандармов были захвачены в лесу и при сопротивлении убиты три советских парашютиста. По документам полиция установила личности трех убитых.

1. Руководитель группы имел фальшивые документы на имя обер-лейтенанта немецкой армии Пауля Зиберта, родившегося якобы в Кенигсберге. На удостоверении была его фотокарточка, где он снят в немецкой форме.

2. Поляк Ян Каминский.

3. Шофер Белов.

Речь идет, несомненно, о тщательно разыскиваемом нами советском партизане...»

Дальше в телеграмме приводится перечень уничтоженных Кузнецовым врагов.

Так погиб Николай Иванович Кузнецов, наш боевой товарищ, проведший ряд неслыханно смелых операций по уничтожению представителей немецких оккупационных властей и сеявший смятение в рядах озверелых врагов нашей Родины.

Когда стало известно о гибели Кузнецова, мы с товарищами вскрыли его письмо. И вот этот конверт снова в моих руках.

«Вскрыть после моей смерти. Кузнецов.

24 июля 1943 года. Завтра исполняется одиннадцать месяцев моего пребывания в тылу врага. 25 августа 1942 года, в 24 часа 5 минут, я опустился с неба на парашюте, чтобы мстить беспощадно за кровь и слезы наших матерей и братьев, стонущих под ярмом германских оккупантов.

Одиннадцать месяцев я изучал врага, пользуясь мундиром германского офицера, пробирался в самое логово сатрапа — германского тирана на Украине — Эриха Коха.

Теперь я перехожу к действиям.

Я люблю жизнь, я еще молод. Но если для Родины, которую я люблю, как свою родную мать, нужно пожертвовать жизнью, я сделаю это. Пусть знают фашисты, на что способен русский патриот и большевик! Пусть они знают, что невозможно покорить наш народ, как невозможно погасить солнце!

Пусть я умру, но в памяти моего народа патриоты бессмертны.

«Пускай ты умер, но в песнях смелых и сильных духом всегда ты будешь живым примером, призывом гордым к свободе, к свету...»

Это мое любимое произведение Горького. Пусть чаще читает его наша молодежь.

Если будет нужно, я пойду на смерть с именем моего Сталина, отца, друга, учителя.

Ваш Кузнецов».

* * *

Указом Президиума Верховного Совета Союза ССР от 5 ноября 1944 года Николаю Ивановичу Кузнецову посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.

Эпилог

— Неужели это были мы?

Так воскликнул недавно Лукин, когда он, Фролов и Цесарский сидели у меня на квартире в Москве и вспоминали о нашей партизанской жизни.

На самом деле, неужели это были мы, сидящие сейчас в штатских костюмах, в уютной квартире, всецело поглощенные мирными делами? Неужели это мы провели множество боев, бывали в самых рискованных делах? Неужели это мы, больные, раненые, тряслись на повозках по грязным неровным дорогам, не помышляя даже о чистой кровати, о кипяченой воде?.. Как много силы и бодрости было в каждом из нас!

Теперь это уже «дела минувших дней».

По всему Советскому Союзу разъехались мои товарищи-партизаны. Одни вернулись на свои фабрики и заводы, другие в колхозы, третьи пошли на учебу в вузы и техникумы. Большинство партизан остались в тех местах, где они жили до войны и где действовал наш отряд. Все они приобщились к мирному труду и свои знания, энергию, опыт отдают гигантской общенародной послевоенной стройке.

Я часто получаю письма от своих товарищей-партизан. Время от времени они приезжают в Москву по своим делам и обязательно заходят ко мне. Поэтому я знаю дальнейшую судьбу многих из них.

В 1946 году у меня в Москве была Валя. На ее долю выпали очень тяжелые испытания. Когда все мы были уже на освобожденной земле, гестапо подвергало Валю страшным пыткам. Палачи требовали от нее выдачи местонахождения Пауля Зиберта, адресов конспиративных квартир, имен товарищей, Валя ничего не сказала. Ее запирали в подвал, где плавали в крови убитые немцами советские люди, ее выводили на расстрел. Страшно умирать в девятнадцать лет! Но Валя выдержала все муки и не сказала ничего. Надеюсь все-таки получить от нее какие-либо сведения, гестапо переправило Валю во Львов, оттуда — в Западную Германию.

День победы застал Валю в одном из концентрационных лагерей в Германии, откуда она возвратилась на Родину.

Терентий Федорович Новак, наш бывший разведчик Валя Семенов и десятки других товарищей пошли на учебу.

Радистка Марина Семеновна Ких вернулась в свой родной Львов, где она тоже начала учиться.

«Спешим поделиться с вами, Дмитрий Николаевич, радостной новостью. Наша Марина избрана депутатом Верховного Совета Украины», — писали мне бывшие партизаны из Львова.

Коля Маленький после войны поступил в школу, стал автомехаником. И он уже не Коля Маленький: ростом догнал своего командира. Коля с гордостью носит партизанскую медаль 1-й степени.

Альберт Вениаминович Цесарский изменил свою профессию: теперь он артист. Еще в партизанском отряде он мечтал о сцене.

Коля Фадеев, которого когда-то оперировал Цесарский, работает директором вальцовой мельницы в Молдавии. Зимой 1946 года он был у меня.

— Плохи дела, товарищ командир! Мельница моя почти пустует. Недород, засуха.

— А как с протезом? Не мешает?

— Привык! Прыгаю, как на своей ноге!

В сентябре 1947 года я получил от него письмо: «На мельнице столько работы, что и передохнуть некогда. Урожай этого года огромный».

Я не знаю, где сейчас Гросс, Ривас и другие испанцы, которые были у нас в партизанском отряде. Но я знаю, твердо уверен, что где бы они ни были, они будут продолжать борьбу за освобождение своей родины от фашистского режима Франко.

Недавно я был в Ровно, Львове и других местах, где действовал наш отряд во время войны. Вместе с братьями Струтинскими, Шевчуком и Гнедюком мы осмотрели многие места, связанные с нашей работой. И всюду встречали наших боевых друзей. Там у нас и возникла мысль о собрании бывших партизан нашего отряда. Собрание состоялось в парке имени Шевченко, у братской могилы Куликова, Галузо и других отважных патриотов.

* * *

В одном письме Валя напомнила мне слова, сказанные однажды Николаем Ивановичем Кузнецовым:

«Я представляю себе, как все на нашей земле расцветет через пять — десять лет после победы. Какая это будет жизнь!.. Если со мной что случится, знайте, что я был счастливейшим человеком на свете, потому что я боролся за эту жизнь».

Я прочитал сейчас эти слова, написанные рукой Вали, и подумал:

«Правда! Наша партизанская борьба и все тяжелые испытания, которые легли на наши плечи, — разве это — не великое счастье?»

«Неужели это были мы?» — думаю я.

Да, это были мы, рядовые советские люди. Опасность, нависшая в те дни над Родиной, призыв вождя удесятерили наши силы. И если кто-либо вздумает снова напасть на нашу страну, снова тысячи и миллионы простых людей встанут на защиту своего отечества, отдадут все во имя своей великой Родины.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

«Пауль Зиберт»	3
Лучше настоящих	8
Своих не узнали	13
Гирлянды	16
Наша «столица»	21
Две операции	23
Помощники	28
Хозяева мнимые и хозяева настоящие	33
На приеме у Коха	37
Встречи с Ковпаком	42
Возмездие	48
Разгром «мастера смерти»	54
Продолжение следует	60
На последнем переходе	69
Письмо Кузнецова	73
Эпилог	77

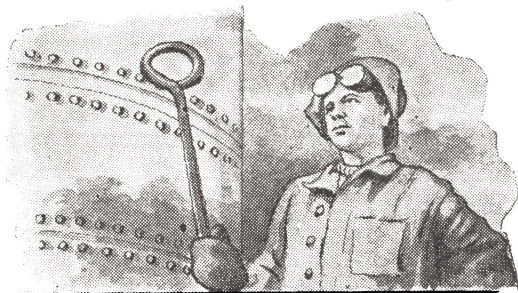
Редактор — **А. СУРКОВ.**

А — 00117 Тираж 150 000. Подп. к печати 23/III—1949 г. Заказ 502.

Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

**КАЖДЫЙ РУБЛЬ, ОТДАННЫЙ ВЗАИМЫ ГОСУДАРСТВУ,
ЯВЛЯЕТСЯ ВКЛАДОМ ВО ВСЕНАРОДНУЮ БОРЬБУ
ЗА УСПЕШНОЕ ОСУЩЕСТВЛЕНИЕ СТАЛИНСКОЙ ПРОГРАММЫ
ВЕЛИКИХ РАБОТ**

*Приобретайте облигации
государственного
3% внутреннего выигрышного займа!*

**ЕЖЕГОДНО ПО ЗАЙМУ ПРОИЗВОДИТСЯ ШЕСТЬ ОСНОВНЫХ
И ОДИН ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЙ ТИРАЖ ВЫИГРЫШЕЙ**

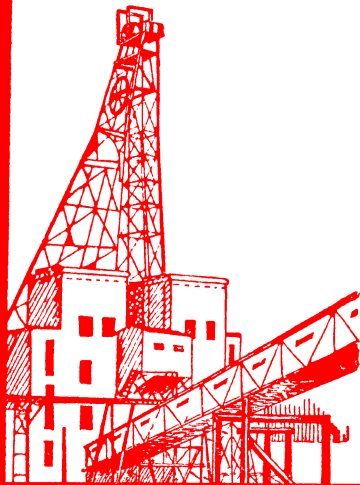
Основные тиражи состоятся 30 января, 30 марта,
30 мая, 30 июля, 30 сентября и 30 ноября;
дополнительный тираж назначен на 30 сентября
каждого года.

ВЫИГРЫШИ ОТ 400 ДО 100.000 РУБЛЕЙ

**ОБЛИГАЦИИ ПРОДАЮТСЯ И ПОКУПАЮТСЯ
СБЕРЕГАТЕЛЬНЫМИ КАССАМИ.**

Цена 1 руб.

Вклады в сберегательные кассы способствуют восстановлению и дальнейшему развитию народного хозяйства СССР!

СБЕРЕГАТЕЛЬНЫЕ КАССЫ

ПРИНИМАЮТ вклады
и **ВЫДАЮТ** их по
первому требованию
вкладчиков;

ПЕРЕВОДЯТ вклады
по желанию вклад-
чика из одной сбер-
кассы в другую;

ВЫПЛАЧИВАЮТ
вкладчикам
доход по
вкладам.

ВНОСИТЕ ВКЛАДЫ В СБЕРЕГАТЕЛЬНЫЕ КАССЫ!